

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ
АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

АЛЮМЕН
Книга вторая
**МЕХАНИЗМ
ПРОСТРАНСТВА**

ЗЕМНАЯ ОПЕРА

Алюмен

Генри Олди

Механизм Пространства

«Автор»

«Автор»

2009

Олди Г. Л.

Механизм Пространства / Г. Л. Олди — «Автор», «Автор»,
2009 — (Алюмен)

Это было время Фарадея, Ома, Эрстеда и Вольты – мужей науки, еще не ставших единицами измерения. Это было время Калиостро, Сен-Жермена, Юнга-Молчаливого и Элифаса Леви – магов и шарлатанов, прославленных и неизвестных. Ракеты Конгрева падали на Копенгаген, Европа помнила железную руку Наполеона, прятался в тени запрещенный орден иллюминатов; в Китае назревала Опиумная война. В далеком будущем тихо булькал лабиринт-лаборатория, решая судьбу человечества: от троглодитов до метаморфов. И крутились шестеренки Механизма Времени – двойной спирали веков. Мистика против науки – кто кого? Новый роман Г. Л. Олди и Андрея Валентинова – великолепный образец авантюрной традиции, густо замешенной на оригинальных идеях. Все книги, написанные в этом соавторстве, давно стали золотым фондом фантастики, и «Алюмен», пожалуй, не станет исключением.

© Олди Г. Л., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Увертюра[1]	7
1. Allegro	7
2. Adagio	13
3. Allegretto	17
Акт I	19
Сцена первая	19
1	19
2	20
3	25
4	27
5	28
Сцена вторая	30
1	30
2	33
3	34
4	39
Сцена третья	40
1	40
2	42
3	44
4	47
Сцена четвертая	49
1	49
2	51
3	55
Сцена пятая	60
1	60
2	62
3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов

Алюмен, книга вторая :

Механизм пространства

С благодарностью посвящается Виктору Гюго, Александру Дюма, Жюльо Верну, Роберту Льюису Стивенсону, Чарльзу Диккенсу – титанам, на чьих плечах мы стояли...

Увертюра¹

*Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!
Открою я глаза: их чудеса кругом!
Закрою я глаза: они во мне самом!
За кругом круг, в бесчисленных сочетаньях,
Они скользят в воспоминаньях.
Я погибаю, я пропал,
Разбив чело о камни скал,
Сломав все пальцы об утесы...
Как бред кошмара – их вопросы!*
Эмиль Верхарн

1. Allegro

Malbrouck s'en va-t'en guerre²

Торбен Йене Торвен достал свои пистолеты.

Шкатулка, выточенная резчиком из цельного куска ясеня, угрюмо легла на столешницу. Она демонстрировала полное отсутствие энтузиазма. Блеск полировки, и тот померк. Потревожили, не спросили, даже пыль не вытерли. Дорогая штучная вещь всем своим видом протестовала, не желая смиряться с очевидной нелепостью происходящего. Номер дешевого отеля, старые обои в цветочек, колченогий стол; медный уродец-канделябр сверху донизу залит воском...

Это ли место для изделий мастера Франсуа Прела?

Канделябр вообще готовился к худшему. За долгие годы службы в отеле он навидался всякого и очень хорошо знал, чем завершаются подобные дела. Сейчас беспокойный жилец придвинет поближе старушку-чернильницу, возьмет перо, выведет на бумаге, которая все стерпит, роковое: «Прошу никого не винить...» или «Моя честь требует...».

Дальше – полиция, протокол, вынос вещей, репортеры.

Хаос.

Безответная чернильница замерла в ожидании неизбежного. Кому-кому, а ей было отлично известно, что шкатулки с пистолетами просто так на стол не ставятся. Последний раз, в апреле, дело закончилось скверно, но терпимо – постояльца, чья честь настоятельно требовала прогулки на дальнюю околицу Парижа, привезли в отель с пулей в бедре. Выжил, отле-

¹ Увертюра (от франц. *ouverture*, вступление) – инструментальное вступление к драматической композиции (опере или оперетте), обычно в трех частях. Увертюры писались для того, чтобы дать опоздавшей публике время занять место в зале.

² Мальбрук в поход собрался (франц., название известной песни).

жался, изрядно пополнив кассу заведения. А вот его предшественник... Ох, страсти какие! – и вспоминать не хочется. Молодой поэт две недели ждал письма от предмета нежных чувств. Наконец, дождался, только не от нее; достал из чемодана дубовый, похожий на гроб, короб с убийственными красавицами Лепаж, долго возился с шомполом и пороховницей...

Чернильница вздрогнула, едва не расплескавшись. Канделябр с неодобрением покосился на соседку. Извините, сударыня, но о службе забывать не след. Иначе сраму не оберешься. Гость нам на этот раз попался серьезный, не чета поэту-бедолаге. Томных вздохов не издает, лирику не декламирует; улыбается редко и все пишет, скрипит перышком.

Зануда – или даже Великий Зануда.

Великий Зануда, он же гере Торвен, сочувственно выслушав немой диалог обитателей номера, чуть не пустился в оправдания. Дамы и господа, стреляться у меня и в мыслях не было! Не юный Вертер, слава богу, дуэли определенно не по нашей части. Такое пристало гусарам или светским хлыщам-бездельникам; я же – помощник академика Эрстеда, секретаря Датского Королевского научного общества. Человек тихий, спокойный, положительный; иметь дело привык не с оружием, а с бумагой, перьями – и такими же почтенными чернильницами, как глубокоуважаемая мадам.

Верно подметила некая юная дева из страны драконов: я, ваш покорный слуга – Бумажный Червь. *Comprenez vous?*³ Впрочем, поразмыслив, Торвен раздумал оправдываться. Не поверят! Слова – одно, шкатулка с оружием – нечто иное, куда как более убедительное. Дуэлянт – и точка. Сподобился на старости лет!

Бретёр, *Rassa do!*⁴

Первый раз Торвена вызвали на дуэль в Копенгагенском университете, куда он, отставной лейтенант двадцати лет от роду, приковылял, опираясь на крепкую трость – прямо с проигранной войны. Денег, чтобы заплатить за обучение, не было. Их едва хватало на жизненно необходимые надобности: утром – чашка скверного кофе, ночью – каморка на чердаке. В военном департаменте разводили руками, обещая рассмотреть вопрос о пенсии не позднее, чем через год; в крайнем случае, через два.

– Дания переживает тяжелые времена, майне гере! Будьте патриотом!

Выручил давний знакомый, можно сказать, сослуживец – пожилой офицер с длинным, породистым носом. Он, как и Торвен, любил гулять, опираясь на известную всей Дании трость с серебряным набалдашником. Офицер моргнул со значением, и канцелярия университета сделала вид, что за обучение отставного лейтенанта на юридическом факультете уже заплачено.

Увы, этим дело не кончилось. Будущие коллеги-юристы оказались не столь равнодушны к новичку. Гордая корпорация буршей, созданная по примеру немецких университетов, снисходительно согласилась зачислить Торвена в число «grunsnabelen», то есть «молокососов», дабы дать ему, недостойному, пройти суровую школу подчинения – от «перышка» и «подонка» до долгожданного «камада».

Скромняга Торвен, желавший всего лишь выучиться на адвоката, не оценил заботы – и не стал отвечать на недвусмысленное предложение «братства». Результат последовал без промедления. Самый задиристый из «камадов» привселюдно, после лекций, объяснил невеже, кто он таков и чего стоит.

Краткая речь завершилась изящным щелчком по носу.

Отставной лейтенант удивился – и, не вступая в объяснения, избил «камада» до потери сознания, даже не прибегая к помощи верной трости. Он воспользовался ею через три часа, когда к обнаглевшему «молокососу» подвалили сразу трое.

³ Понимаете? (франц.)

⁴ Русский тебя побери! (датское ругательство времен Наполеоновских войн).

Братья-бурши почесали затылки, утерли разбитые носы – и взялись за дело всерьез. Через месяц, когда обидчиков выписали из городской больницы, последовал формальный вызов на дуэль. Торвен молча выслушал присланных секундентов, немного подумал – и предложил им идти восвояси. Маршрут он описал подробно, по-фронтальному. Возмущенные «камрады» воспользовались советом, но побежали не по указанному адресу, а к родителям. Почтенные отцы семейств нахмурились – и дружной толпой направились напрямик в Амалиенбург искать управу на наглеца, не чтящего традиций.

Но тут случилась осечка.

– Святой Кнуд! Что за вздор? – знакомый офицер изволил пристукнуть тростью по наборному паркету. – Господа, мы искренне советуем вам и вашим чадам обходить *нашего* лейтенанта седьмой дорогой! Что? Вы хотите знать, по какой причине? Ради блага королевства и собственной безопасности...

В устах Фредерика VI слова «наш лейтенант» звучали яснее команды:

– Пли!

На третьем курсе Торвену предложили стать главой корпорации. Он отказался, но в «камрады» все-таки записался. Ребята оказались славными, пусть и не нюхавшими пороха. К тому же у отставного лейтенанта созрели соображения по существенному улучшению работы университетского Burschenschaften.

О несостоявшейся дуэли никто не вспоминал.

Позднее Торвена вызывали еще трижды; один раз – по его собственной инициативе. Так и не став адвокатом, он уже служил помощником у гере Эрстеда-старшего – и вызовы принимал по долгу своей многотрудной службы. Вспоминать об этих случаях Зануда не любил.

Отогнав воспоминания, он вернулся к зловещей шкатулке. Ишь, красotka! На днище – лосиная кожа; замок запирается изящным ключиком. В такой не оружие носить – дамские безделушки. Собственно, на это и расчет.

Знает дело мастер Прела!

Ключик повернулся без звука, повинаясь легкому движению. Извольте взглянуть, хозяин, все на месте, все дома. Пистонница, пулелейка с ножницами, латунная масленка. Отвертка с костяной рукоятью, пороховница. И пули – дюжина, как на подбор. И, конечно, пистолеты, братцы-«жилетники».

Система была новая, непривычная – с отвинчивающимся стволом для более удобной зарядки. Хозяин оружейной лавки, учуяв денежного клиента, пытался всучить «изделия» с позолотой, с гравировкой-орнаментом, только не на того напал.

– Украшают подарки возлюбленным, – сказал Торвен хитрецу. – Оружью к лицу чистая полированная сталь. Желательно – дамасская.

Крышка с бронзовой бляхой «Prelata a Paris» опустилась на место. Времени оставалось достаточно, и Зануда решил завершить некоторые дела. Пистолеты – пистолетами, а порядок должен быть. Рука метнулась к гусиным перьям, ждущим в деревянном стаканчике.

Чернильница вздохнула: сейчас начнется. «...Вынужден послужить своей чести, которая дороже для меня, чем трижды постылая жизнь...» Старушка ошиблась – Торбена Йене Торвена интересовали вещи иного рода. Какие именно, чернильнице, коренной парижанке, понять было мудрено. Зануда писал на родном датском, по давней студенческой привычке сокращая слова и сминая фразы.

«Шевалье Огюст. Соц. Рев. Бунт. Баррикады. Брат – в тюр. Друг Галуа. Приятель Тьера. Ненавидит полк. Э. Считает уб. Галуа. Нелогично. Оговорили? Встреча Шевал. с полк. Э. сегодня, в Бул. Цель – объясниться. Опасно? Опасно!»

С молодым человеком, отрекомендовавшимся как Огюст Шевалье, довелось познакомиться почти месяц назад – случайно, в кабачке «Крит». Здоровяк-южанин, скорее похожий на грузчика, чем на социалиста-баррикадника, взвалил на себя тяжкий груз мести – и, похоже, был готов надорваться. Вначале Зануда счел ситуацию легко разрешимой. Навел справки, задал ряд вопросов кому следует. Друг Эвариста Галуа, судя по добытым сведениям, оказался парнем неплохим, хотя и чрезмерно революционным. Жаль, если свихнется на почве мщения. Куда лучше свести их с полковником – уладить конфликт, охладить горячую голову...

Пока готовилась встреча, Шевалье по средам и субботам заходил в «Путеводную звезду»: справиться о ходе дела. И каждый раз, выясняя, что свидание откладывается, нервничал все больше. Мрачнел, замыкался; кипел от подозрений. Даже обвинил Торвена в чем-то плохо понятном, но непростительном – то ли саботаже, то ли заговоре. Молодой человек вызывал у Зануды симпатию, но ждать «мсье социалист» не умел категорически.

Его волнение странным образом передалось Торвену. Началась бессонница, возникла раздражительность. У гостиницы мерещились соглядатаи. В любом прохожем виделся шпик. Кто ж его знал, что все кончится покупкой пистолетов?

Перо замерло в воздухе, ожидая продолжения. Заточенное, раздвоенное, как жало змеи, острое повисло над словом «Опасно». Дрогнуло, провело длинную черту; заскользило вновь – ниже обозначенной границы.

«Николя Леонар Сади Карно...»

Главное поручение Королевского научного общества, приведшее датчанина в Париж, тоже вначале казалось простым. Торвен вздохнул. Пора выводить новый физический закон делопроизводства: «Дела при прочих равных условиях идут по пути наибольшего сопротивления».

Увы!

«...сын Лазара Карно – якобинца, цареубийцы, вел. математика. Капитан фр. армии, весной 1832 г. вернулся на действит. службу. Инженер. Характер раб. секретн. Хорош. знаком. Тьера, кот. помог К. вернуться в армию...»

– Ничего, год-два – и Николя Карно им всем покажет! Говорили мы с ним в Париже... Он такое, лейтенант, придумал! Пар – вчерашний день. Нужен движитель экономный, мощный; движитель для Будущего...

Словно наяву Торвен услышал голос Андерса Эрстеда – чудилось, полковник стоит рядом, превращая номер дешевого отеля в палубу героического «Анхольта», а впереди, в ночи, полной гиен и настойчивых мертвецов, обоих ждет штурм Эльсинора.

Перо метнулось вверх, к предыдущей записи. Нашло нужное слово, дважды подчеркнуло: «Тьер». Поразмыслив, уточнило в уголке: «Товарищ мин. фин.». С маленьким человечком и великим карьеристом Торвен успел свести знакомство.

Гномик ему не понравился.

«...Единств. опубликован. работа: „Размышления о движущей силе огня“, 1824 г. Дальнейш. исслед. К. держит в тайне. Об опасности предупрежден: в письме и мною личн. Не принял всерьез. Нелогично. Глупо».

Странные люди французы! Нелогичные – в устах Зануды такое определение было равносильно грязной брани. Он понял это еще в юности, оказавшись по милости нелогичных французов в далекой, насквозь промерзшей – даже пожар не спасал! – Москве.

С тех пор потомки галлов не слишком изменились.

Дама-Логика, чьим верным паладином Торвен считал себя всю жизнь, страдала. Все шло наперекосяк, противореча элементарному здравому смыслу. Если некий злодей тщится навеки

скрыть от глаз людских важный секрет, что может ему помешать? Благородный рыцарь в доспехах, сверкающих миланской сталью? Романтический герой в черном плаще и в шляпе до бровей? Авантюрист с верной шпагой? Отнюдь – и не таким шею сворачивали. А вот печатный станок, простой и прозаический инструмент, способен творить чудеса. Как только исследования Карно будут явлены миру, даже легион коварных злодеев признает поражение.

Любой научный журнал, десяток страниц, измазанных краской, спасет не только открытие, но и жизнь упрямого-инженера. Как спасли бы Эвариста Галуа – и не его одного.

Даме-Логике оставалось лишь грустно вздыхать. Карно не собирался ни спасать, ни спасаться. Еще более странно вел себя Огюст Шевалье. Неспроста этот горячий, как июньский полдень, бунтарь стал подозревать Андерса Эрстеда. Кто-то очень умный подсказал, подтолкнул, заботливо подстелил под ноги ложный след.

Острые пера решительно чиркнуло по бумаге, подводя итог: «Принять меры! Убедить!» Кажется, все. Самое время доставать пистолеты. Впрочем, нет, еще одно:

«Гарибальди Джузеппе, прозв. „Осип“ (дали русск.). Капитан шх. „Клоринда“. Доставил меня в Париж из Гавра. Итал., род. в Ницце. Потомств. моряк. Учился на священ. Не выучился».

Торвен усмехнулся. А он еще недоумевал, отчего милейший синьор Осип готов рвать зубами каждого, кто в рясе. «О, эти попы, эти божьи дудки, *culi rotto*, уж простите за выражение, эти ханжи, эти *vaffanculi*, святоши, лжецы, *merda cagna*, предатели, негодяи, *rogka Madonna!*...»⁵ Чину ангельскому икалось с завидной регулярностью. Да, славный ты капитан, Джузеппе Гарибальди. Бесхитростный, честный; простой, как средиземноморский зюйд-ост.

«...неоднокр. плавал в Россию. Дядя – Антон Феликс Гарибальди, посланник Сардин. королевства, резиденция – город Kerch. Крупн. незакон. сделки. Контрабанда. Перевалоч. базы – Крит, Корсика, Одесса. Мож. быть полезен».

Кивнув в такт мыслям, Зануда отложил листок в сторону. Все мы люди, все человеки, всем требуется *butter* на насущный *brod*. В годы давние, когда выпускник университета Торвен искал возможность заняться адвокатурой, он бы не отказался пару раз сплавать в загадочный город Kerch на лихой шхуне контрабандистов – подзаработать на собственную юридическую контору. Темное небо, яркие звезды, паруса над головой...

Увы, Балтика – не Черное море, а он – калека, не моряк.

Бумага сложилась вдвое, вчетверо, нырнула в уютный боковой карман. За отсутствием сейфа Зануда предпочитал хранить документацию именно там. Благо, ее не слишком много. В правом кармане – личные записи, в левом – письма...

Он хлопнул себя по лбу. Письма! Неотвеченные! Целых два! Расслабился ты, дружок, в славном городе Париже, службу забыл. Думал отписаться сразу после завтрака, но что-то помешало. И сейчас мешает – стрелки часов вот-вот подойдут к нужной точке.

Непорядок!

На первом конверте – детский почерк: смешной, крупный, с наивными завитушками. Не удержавшись, Зануда достал письмо, читанное уже дважды. «Глубокоуважаемый гере Торвен, мой милый батюшка! Спешу известить Вас о полнейшем нашем благополучии, чему свидетелем является почтительный сын Ваш, Бьярне Йене Торвен, и я, Ваша послушная дочь...» Подпись – большими печатными буквами: «Маргарет Торвен».

Перед отъездом «глубокоуважаемый гере» подарил дочери полезную и нужную книгу: «Письмовник, или Сочинение изящных и нравственных посланий на все случаи жизни».

⁵ Рваные задницы, идущие в задницу, сучье дерьмо, свинская Мадонна (итал. ругательства).

Плоды просвещения созрели быстро. Торвен вновь скользнул глазами по строчкам: «...чему свидетелем является...»

Сам виноват – не перелистал загодя подарок!

Второе письмо он извлекать не стал, лишь поглядел на конверт. Почерк дочери был неплох, по крайней мере, для ее возраста. А вот эти каракули с первого раза и не одолеешь. Зато ни с чем не спутаешь!

– Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!..

Спохватившись, Торвен укусил себя за язык. Песня преследовала его который месяц, не давая покоя ни днем, ни ночью. Забыть не получалось, оставалось одно – выбить клин клином. Если уж даровал Господь привычку мурлыкать в часы раздумий всякую ерунду, то ерунду следует подбирать с умом.

Он вернул конверты на место, ближе к сердцу; открыв шкатулку, поглядел на изделия мастера Прела, замершие в ожидании. Про милого Андерсена петь не ко времени. Ханс Христиан, одаривший «дядю Торбена» очередной трудночитаемой эпистолой, далеко, в маленькой уютной Дании. Здесь – Франция, Париж, город, где на деловую встречу ходят с пистолетами. Песня обязана соответствовать.

Что-нибудь походное, боевое, французское...

– Мальбрук в поход поехал,
Мирнтон, мирнтон, мирнтень,
Мальбрук в поход поехал,
Ах, будет ли назад?

Совсем другое дело!

Торбен Йене Торвен не торопясь вынул пистолеты из шкатулки. Зарядил, сунул за пояс, наглухо застегнул сюртук; похлопал для верности по серой ткани. Кажется, все в порядке. Трость. Шляпа. Фиакр ждет у крыльца. Стрелки часов, едва заметно дрогнув, дали отмашку. В поход!

– Назад он будет к Пасхе,
Мирнтон, мирнтон, мирнтень,
Назад он будет к Пасхе
Иль к Троицыну дню!

2. Adagio

Сказки Булонского леса

– Позвольте взять вас под руку, мсье Торвен.

– Благодарю за заботу. Когда я почувствую, что скоро упаду, я непременно воспользуюсь вашим любезным предложением.

Огюст ощутил неловкость. Не следовало лишний раз напоминать упряму о его хромоте. Но смотреть, как Торвен, подволакивая ногу, отчаянно ковыляет по тропинке, было больно. Фиакр они оставили у съезда с тракта. Торвен взял с кучера слово, что тот дожидется возвращения пассажиров. Датчанин не был стеснен в средствах: расплатившись с возницей, он в придачу оставил тому щедрый задаток за обратную дорогу.

По мнению Шевалье, делать этого никак не следовало. Плутовская рожа, а главное, торчащие в стороны, истинно кошачьи усы кучера не вызывали ни малейшего доверия. Возможно, в Дании, где каждый – бессребреник и честняга, все обстоит иначе. Но Париж – не Копенгаген, тут надо держать ухо востро.

Торвен мог смело сказать «adieu!» и денежкам, и фиакру.

Под ногами хрустели прошлогодние желуди. Булонский лес так до конца и не оправился от нашествия трех армий – русской, английской и прусской, – которые разбили здесь бивуаки двадцать лет назад. Путники то и дело натыкались на следы застарелых кострищ, наполовину обугленные бревна, расщепленные пни на месте вековых дубов и ржавые ободья колес.

«Наверняка мы, французы, оставили в России точно такие же следы, – мельком подумалось Огюсту. – Солдатское свинство – меньшее из зол. Сожженные города и деревни, тысячи убитых – вот истинный лик войны. А это так, мелкие издержки...»

Увы, «издержки» изменили облик леса до неузнаваемости. Шевалье не довелось побывать здесь до прихода победителей – в те годы он был ребенком и жил с семьей в Ниме. Но воображение живо рисовало картины минувшего.

Когда-то глухая и сумрачная Булонь служила убежищем многочисленным шайкам разбойников. Дабы пресечь безобразие, по приказу Генриха II лес обнесли крепостной стеной и выставили стражу. Наиболее рьяных грабителей, к радости горожан, изловили – и повесили в назидание дружкам на холме Монфоко.

«Здесь вам не Шервуд, – якобы сказал король, гневаясь, – а мое величество, клянусь Распятием, не шериф Ноттингемский! Если мы и потерпим робин-гудовщину, то разве что в английских народных балладах! Ишь, взяли моду... Где наша высокая виселица?»

В итоге Булонская вольница сошла на нет.

При Людовике XIV здесь вырубили первые просеки и проложили дороги. Лес, ставший безопасным, открыли для публики. Во времена Революции робин-гудовщина вернулась – сюда бежали все, кому светила встреча с Национальной Бритвой: сперва – недорезанные «аристо», а следом – их недавние обвинители.

Не одни беглецы от правосудия злоупотребляли здешним гостеприимством. Укромные поляны и заросли орешника по вечерам превращались в охотничьи уголья жриц любви. Даже поговорка ходила:

«В Булони жениться – кюре не нужен!»

В темноте, как известно, все кошки серы. Вечерние тени надежно скрывали морщинки, платье не первой свежести, а то и подбитый глаз. Шлюхи подороже в лес не заглядывали, предпочитая Ситэ и Латинский квартал. Но студизосов, разгоряченных вином, «булонушки» вполне устраивали. Тем более, что брали они за деликатные услуги по-божески.

В первый год своего пребывания в Париже Огюст нередко забредал сюда в компании однокашников из Нормальной Школы. Но потом бросил наведываться под сень деревьев, ибо

познакомился с пухленькой молочницей, обитавшей по соседству. И ближе, и дешевле. А иногда, под хорошее настроение Констанции, и вообще даром.

Впрочем, дорогу к назначенному месту встречи он помнил.

По одной из версий, начало сомнительной славы Булонского леса положило выстроенное здесь Лоншанское аббатство. О, это был истинный вертеп разврата! По части плотских утех монашки дали бы фору индийским баядерам. Но однажды аббатиса ухитрилась наградить Генриха Наваррского, заглянувшего «на огонек», дурной болезнью. Неудовольствие короля роковым образом сказалось на судьбе обители – в монастыре сменили весь контингент монахинь, включая мать-настоятельницу, и нещадно ужесточили устав. Впрочем, обитель по-прежнему маячила в центре скандалов – церковных, имущественных, амурных и даже политических.

Ныне аббатство пустовало.

Тропа свернула вправо. Обогнув гнилой остов телеги, вросший в землю, они миновали пораженный ударом молнии дуб. Раскорячившись буквой «V», мертвый великан возвышался над тропой, словно грозное предостережение. Минута, другая – и дуб остался за спиной, а там и скрылся за поворотом. Но Шевалье затылком продолжал ощущать тяжелый, недобрый взгляд.

Датчанин тоже чувствовал себя неудобно. Дважды он оглядывался на ходу – и во второй раз чуть не упал. Огюст едва успел поддержать его. Выругавшись, Торвен двинулся дальше, на ходу поправляя пистолеты, укрытые под сюртуком. То, что его спутник вооружен, Шевалье заметил еще в фиакре: рукояти пистолетов явственно выпирали сквозь тонкую ткань.

Сам Огюст отправился на встречу, прихватив лишь наваху. И теперь спрашивал себя: а не слишком ли он беспечен? Возможно, стоило принять меры предосторожности? Мсье Торвен предлагал вооружиться, прихватить с собой надежных друзей...

«Решил показать себя храбрецом? Теперь не жалуйся...»

Он на миг остановился, прислушиваясь. В тишине почудились крадущиеся шаги – словно кто-то скрытно преследовал двух людей. Но тут как назло налетел хулиган-ветер, ероша кроны деревьев. Лес наполнился издевательским шелестом, шепотом и треском. Под такой аккомпанемент и слон сумел бы подкрасться незаметно.

Плюнув в сердцах, Огюст поспешил за ушедшим вперед датчанином.

Наконец они вышли на маленький, выгнутый подковой луг. Напротив высились ветшающие стены аббатства. Ветер в поднебесье продолжал трудиться – оставив лес в покое, он разгонял тучи, копившиеся с утра. Из прорех блеснуло солнце, и мир преобразился – утратив похмельную сумрачность, он засиял всеми красками чудесного июльского утра.

Руины, густо оплетенные плющом и диким виноградом, предстали в солнечном свете скорее символом торжества жизни над мертвым камнем, нежели напоминанием о бренности бытия. Торвен с любопытством рассматривал монастырь.

– Сюда бы гере Андерсена, – пробормотал он, морща лоб. – Ханс обожает древность. Глядишь, сочинил бы какую-нибудь «Лесную обитель», на манер братьев Гримм. Доблестному трубочисту является призрак монашки-грешницы...

– Андерсен? – Огюст вспомнил разговор с Дюма. – Его случайно не Жаном-Кристианом зовут, вашего Андерсена?

– Хансом Христианом. Вы знакомы?

– О нем в частной беседе упоминал один литератор. Я говорю о Дюма.

– Как тесен мир! Вчера я получил от Ханса письмо. Он сообщает, что господин Дюма дал согласие на переработку пьесы «Нельская башня». Осенью намечена премьера в Копенгагенском драматическом театре.

– Весь мир – театр, – Шевалье огляделся. Ветер утих, лес замер в ожидании. – Вы уверены, что мсье Эрстед появится?

– Абсолютно. Полковник – человек пунктуальный, – Торвен извлек из кармашка позолоченный «Breguet», щелкнул крышкой. – Мы прибыли раньше. До назначенного срока – еще четверть часа. Подождем.

– Ваше ожидание закончилось, *граждане* заговорщики.

Из-за кустов жасмина, разросшихся в проломе стены, объявились люди. Сперва Шевалье решил, что засада – дело рук Торвена, и был готов с ножом кинуться на своего спутника. Но миг спустя он узнал жоака – и проклял собственную беззаботность.

Пеше д'Эрбенвиль сильно изменился, и не только внешне. На лбу багровел уродливый шрам – памятка о злополучной дуэли; щеки покрывала недельной давности щетина. Рукава мятой, несвежей рубашки были закатаны по локоть, о фраке и речи не шло. В правой руке бретер держал обнаженную саблю.

У пояса болталась вторая – в ножнах.

Сейчас д'Эрбенвиль походил на разбойника с большой дороги или санкюлота времен взятия Бастилии. От лощеного кавалера, сердцееда и завсегдатая светских приемов не осталось и следа. Глаза горели лихорадочным огнем, язык поминутно облизывал сухие, растрескавшиеся губы. Дышал он тяжело, с присвистом, будто не ждал в тени жасмина, а всю дорогу бежал, преследуя добычу. Пахло от него, как от дикого зверя.

Позади бретера топтались двое громил – точь-в-точь горгульи с карниза Нотр-Дам.

– Что вам угодно, господи?

От ледяной вежливости в вопросе Торвена замерзло бы и море. Опершись на трость, свободной рукой датчанин как бы невзначай расстегнул верхнюю пуговицу сюртука. Чтобы добраться до пистолетов, прикинул Шевалье, ему потребуется расстегнуть еще две-три.

– Нам угодно, – в хриплом, больном голосе д'Эрбенвиля звучало торжество, – задержать иностранного шпиона, вступившего в сговор с государственным преступником.

– Где вы здесь видите шпионов и преступников?

Пальцы датчанина взялись за следующую пуговицу. Та оказалась упрямой, не желая протискиваться в петлю.

– Да вот же, передо мной, мсье Торвен! Или вы надеялись, что ваш интерес к трудам Николя Карно останется незамеченным? Собрались похитить секреты военного министерства Франции? Не выйдет! Полиция не дремлет!

– Оставьте пафос, сударь. Мы не в театре. И вы, судя по внешнему виду, не Мадемуазель Жорж, – на лице Торвена не дрогнул ни один мускул. – Скажу честно, на полицейских вы тоже не слишком похожи. Соболаговолите предъявить документы, подтверждающие ваши полномочия. Иначе я буду вынужден считать вас шайкой банальных грабителей.

Пуговица по-прежнему не поддавалась.

«Надо тянуть время, – решил Огюст. – Пусть он доберется до пистолетов. Отставной лейтенант должен метко стрелять. А там – как повезет...»

– Мсье Торвен, позвольте отрекомендовать: этого негодяя зовут Пеше д'Эрбенвиль. В прошлом месяце я дрался с ним на дуэли. Видите шрам? – моя отметина. Похоже, он решил со мной покончить. Все остальное – пустые разговоры.

– Я так и полагал, что он – не полицейский.

– Он работал на полицию. Доносчик, наушник, провокатор. Но это, к счастью, в прошлом. Кому нужен рассекреченный агент? Какая с него польза? Верно я говорю, Пеше?

Огюст демонстративно сунул руку за пояс, нащупывая наваху. Смотри на меня, мерзавец! На меня! Вот так... Действуйте, мсье Торвен! – вам жарко, вы вспотели, вам необходимо расстегнуть сюртук...

Д'Эрбенвиль со злобой ухмыльнулся.

– *Бывших* агентов нет, Шевалье! Тебе следовало бы это знать! Живой шпион и мертвец-баррикадник – славный подарок для префекта Жиске, не правда ли? Ты сломал мою жизнь.

Из-за тебя меня не желают видеть в свете. Префект намекает, что мне лучше вовсе уехать из Парижа... Но это легко исправить, мой дружок! Заговор разоблачен, преступник, оказавший сопротивление, убит при аресте, а шпион доставлен в участок! Этого с лихвой хватит, чтобы вернуть расположение префектуры...

Торвен справился со второй пуговицей и взялся за третью.

– Убьешь безоружного? Нож против сабель? А что скажет префект? Трое агентов без кровопролития не смогли арестовать двух мирных господ, прогуливавшихся в лесу? Думаешь, тебе поверят? Каторгу за убийство еще никто не отменял!

– Поверят, не сомневайся! У тебя *было* оружие, – д'Эрбенвиль хлопнул ладонью по сабле в ножнах. – И сопротивлялся ты, как черт. Жак и Люсьен подтвердят.

– Под присягой?

– Да хоть на исповеди!

Громилы за его спиной дружно кивнули.

«А рожи-то знакомые! – мысленно охнул Шевалье. – Один, помнится, ошивался вокруг „Крита“. Я еще решил: хочет наняться в вышибалы...» Громила и позже попадался Огюсту на глаза: у дома, возле гостиницы, куда молодой человек наведывался, спрашивая Торвена... Выследили, ублюдки! Получается, он и датчанина подвел, что называется, под монастырь. Уверил себя, что баррикада Сен-Дени забыта, утратил бдительность...

Мальчишка!

Теперь ясно, как Пеше узнал о сегодняшней встрече. Кивок на полицию плюс горсточка франков легко развязывают язык консьержке. Да и портье «Звезды» делается на удивление словоохотлив. Мсье Торвен, господа, просил разбудить пораньше, собрался куда-то ни свет ни заря...

– Предлагаешь повторить нашу дуэль? На твоих условиях?

– Дуэль? – д'Эрбенвиль с издевкой хохотнул. – Забудь, гаденыш! Я просто заколю тебя, как мясник – свинью. Обожду, пока ты издохнешь, а потом вложу в твою руку саблю.

Кровь бросилась в лицо Шевалье.

– Мразь! Жаль, что я не перерезал тебе глотку там, у пруда! Когда мясником был я, а ты визжал, как хряк под ножом!..

Торбен Йене Торвен справился с третьей пуговицей. Его ладонь скользнула под сюртук. Отвлекая противника на себя, Огюст рванул из-за пояса наваху. Он даже успел раскрыть ее, заставив громил вздрогнуть от скрежета. А больше не успел ничего. Будь д'Эрбенвиль не банальным подлецом, а дьяволом из глубин ада, или маньяком, рехнувшимся на почве мести, – саблей он в любом случае владел превосходно.

И знал, что делать в первую очередь.

Оставив наваху без внимания, бретер шагнул к датчанину. Клинок лихо свистнул, огнем полыхнув на солнце – и наискось перерубил трость, на которую Торвен опирался всем весом. Хромой «шпион» не удержался на ногах. Он упал на колено, затем – на бок, неловко подвернув руку; телом придавил бесполезные теперь пистолеты и застонал.

– Этого – живым! – приказал д'Эрбенвиль.

И обернулся к Шевалье – сабля опущена к земле, горло открыто.

3. Allegretto

Кто спешит на небеса?

Медленно, как во сне, Огюст прыгнул вперед.

Наваха, томясь от жажды, начала скольжение по убийственной кривой. Но дотянуться, достать, завершить удар не удалось. Боль – дикая, знакомая по видениям – взорвала живот. Казалось, там лопались, одно за другим, гадючьи яйца, и кишки-змееныши выбирались наружу, спеша уползти в кусты.

Жутковатая ухмылка д'Эрбенвиля превратилась в волчий оскал. Медленно, наслаждаясь страданиями жертвы, бретер провернул клинок в ране. Подчиняясь вращению оружия, крутнулся мир, стремительно выцветая. Вонь пруда, покрытого ряской, пробкой забила ноздри. Огюст падал – лист, сорвавшийся с ветки исполинского дуба – и все никак не мог упасть.

Смертный холод сковал тело – замораживая кровь, даря покой и забвение. В ушах зазвонел хрусталь колокольчиков. С далекого кладбища Монпарнас, нарастая мощным крещендо, донеслось пение хора мраморных ангелов:

Кто спешит на небеса,
В нашу компанию, к Маржолен?
Это бедный шевалье –
Гей, гей, от самой реки...

Перед лицом вились снежинки, скручиваясь в двойную спираль. Вьюжный штопор буравил небо, заледеневшее до алмазной твердости; призывал следовать за собой. Огюст не боялся. Страшна боль – тело с ужасом ждет ее прихода. А потом становится даже интересно: что – там?

Миг, и он уже неся в спиральном тоннеле, увлекающем душу прочь от бренной земли. Мелькнула и осталась позади белая корка неба – грань великого, вселенского кристалла. Звон колокольчиков; тихий, умиротворяющий шепот снежинок-шестерней. Механизм Времени работал исправно, как хронометр от фирмы «Breguet».

Где-то в просвете мелькнул лабиринт, полный буро-зеленой жижи. Шевалье вздрогнул, борясь с паникой: нет, только не сюда! Он не заслужил рая, но лучше геенна огненная, чем живое болото Грядущего!

Уступая мольбе, лабиринт исчез.

– ...Огюст Шевалье!

– Да! Я здесь...

– ...место рождения – город Ним, Франция. Предположительно, 1811 год...

– ...начинаю поиск.

– Не надо меня искать! Я – Огюст Шевалье! Это ошибка, мсье Святой Петр! Я родился не в 1811-м, а в 1810 году! Готов предстать перед судом...

– ...прямые данные не найдены.

– ...косвенные?

– ...поиск... результаты...

– ...некролог... сентябрь 1832 года... «Ревю Ансиклопедик»...

– Какой сентябрь? Сейчас июль! Некролог?!

– ...допустимость коррекции?

– Мой некролог? Удостоился, значит. Что ж, «Ревю Ансиклопедик» всегда опаздывала с некрологами...

– Выше порогового значения... 82,5 %...

Голоса умолкли. Никто больше не интересовался бесприютной душой. Сгущался мрак; вьюга стихала, метя поземкой по черному полю. Огюст еще успел заметить – или это была галлюцинация угасающего сознания? – как по тоннелю навстречу ему пронесся бесплотный призрак и исчез в безнадежно отставшем дне, там, где ликовал д'Эрбенвиль.

А потом упала ночь, и Огюст Шевалье умер.

Акт I

Бегство на юг

«Жизнь моя – настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная! Если бы в ту пору, когда я бедным, беспомощным ребенком пустился по белу свету, меня встретила на пути могущественная фея и сказала мне: „Избери себе путь и цель жизни, и я, согласно с твоими дарованиями и по мере разумной возможности, буду охранять и направлять тебя!“ – и тогда жизнь моя не сложилась бы лучше, счастливее, разумнее».

Ханс Христиан Андерсен «Сказка моей жизни»

Не следует забывать, что общество больше любит, чтобы его развлекали, чем учили.

Адольф фон Книгге «Правила обхождения с людьми»

Сцена первая

Дикая Охота

1

Давным-давно, когда все еще жили-были, маленький Торбен Йене Торвен очень любил песню про лесной орех. Не он один – многие его сверстники охотно пели немудреные куплеты, прилетевшие из далекой Швейцарии и быстро переложенные на родной датский. Под такую песню хорошо маршировать или сидеть у костра ночь напролет. Мода на многодневные походы – от города к городу, от села к селу с ночевками под открытым небом – пришла из той же Швейцарии, где создавались первые отряды «детей-патриотов». Юные датчане решили не отставать от земляков Вильгельма Телля. Малыш Торбен истоиво шлепал подошвами по пыльным дорогам, меряя маршруты по ровной, как обеденный стол, Зеландии, и напевал про крепкий орешек, который не разгрызть и не раздавить.

Левой-правой, левой-правой!

Я под солнцем загорел,
Как лесной орех.
Я и молод, я и смел,
Веселее всех!
Дуви-ду, дуви-дуви-ди!
Дуви-ду, дуви-дуви-ди!

Сам принц-регент заинтересовался и, выкроив время среди своих важных дел, прислал приветствие наследникам викингов. Маршируйте, ребята, скоро пригодится. Дуви-ду, дуви-ди!

Взрослым песня тоже нравилась. Судья Торвен-старший, будучи в философском настроении, обмолвился, что человек по сути и есть лесной орех. Под твердой скорлупой – ранимая, незащищенная сущность. С виду герой героем, в глазах блеск, плечи вразлет, но стоит скорлупе треснуть – и все. Склюют, или высохнешь, в прах обратишься.

Никакого тебе «дуви-ди», одна бурая пыль.

Торвен-младший понял отцовскую мудрость не сразу. А когда понял – принялся наращивать скорлупу. Слой за слоем, будто кольца на дубе. Первый, черный от гари копенгагенского пожара, где сгорело его детство, второй – насквозь промерзший на ветру военных походов; третий – пропитанный острым духом лекарств, которыми врачи пользовали умирающую от чахотки жену. С годами скорлупа-броня стала гранитом, скалой, о чью твердь с недовольным плеском разбивались жизненные волны – или, если угодно, панцирем мудрой черепахи.

По крайней мере, так хотелось самому Торвену. Но порою чудилось, что скорлупа треснула. Не поймешь – где, не вспомнишь – почему. А главное, ничего уже не исправишь. Камень – не плоть, ему не срастись. Вот-вот в трещину ворвется сырой воздух, вместе с ним – миазмы всех возможных болячек; и напуганнейшее – воспоминания, сомнения, дурные мысли.

В такие минуты Торвен ощущал себя слабым и старым. Острые края резали сердцевину души, горло першило от дыма бивуачных костров, а предательница-память вновь и вновь отзывалась ударами копыт Дикой Охоты. Черные всадники на белом снегу; черная смерть в серых предзакатных сумерках...

Можно было лишь сжать кулаки, закусить до крови губы, стать прежним – ироничным, всегда спокойным Занудой. Лишь бы не заметили, не учуяли. Твердый взгляд, ровный тон, еле приметная насмешка в голосе. Крепкий орешек; не разгрызть, не раздавить.

Дуви-ду, майне гере, дуви-ди!

2

– Итак, мсье Торвен, продолжим. Значит, вы наблюдали вышеизложенную картину в вышеозначенном месте...

Зануда покорно кивнул: наблюдал.

– ...А именно в непосредственной близости от объекта муниципальной собственности, означенного в реестре недвижимого имущества города Парижа, как бывшее Лоншанское аббатство...

Торвен еле заметно шевельнул пальцами. Соблазн, соблазн! Чернильница рядом, считай, под ладонью. Хватай – и в физиономию полицейского инспектора, красную от усердия. Лучше в лоб – синяк гарантирован. Чернила же растекутся равномерно по всему должностному лицу.

Картина маслом: датский Давид сражает французского Голиафа.

– Следствием чего стали ваши действия, каковые вы, мсье Торвен, изволили изложить в начале текущей нашей беседы...

Чернильница как почуяла – тайком отползла к краю стола. Никто не мешал: всю «текущую беседу» ей, как и гусиному перу, довелось продремать. Лист бумаги остался чистым.

Зануда убрал руку – от соблазна подальше. Глянул в оловянные, словно пуговицы на мундире, инспекторские глазки:

– Протокол составлять будем?

Пуговицы заблестели, засветились хитрым огоньком:

– Нет, мсье иностранец. Не будем.

Беда приходит не одна, а с детками. Детка-инспектор, впрочем, не спешил. За ним посылали дважды: сначала – Торвен, после – директор лечебницы. Наконец слуга закона соизволил явиться, дабы выслушать назойливого датчанина. Выслушал – и, кажется, уже готов распрощаться.

– Мсье Торвен! Если свести воедино ваши показания, то мы изволим видеть ясную и очевидную картину. Булонский лес, окрестности вышепоименованного аббатства, четверо неизвестных вам господ, сабли, пистолеты... Вывод?

Торвен пожал плечами.

– Вы стали свидетелем дуэли. Да-да, сударь, обычной, разрешенной законом дуэли! Для вас, гостей Парижа, это не столь привычно. Зато в нашей свободной Франции подданные его величества Луи-Филиппа широко пользуются предоставленным им правом для защиты собственной чести...

Глаза-пуговицы потускнели. Красный лик закона подернулся сумрачной, отрешенной дымкой.

– А посему жалобу я могу принять лишь от одного из дуэлянтов, либо от их родственников, установленных в надлежащем порядке. Поелику же вы не являетесь ни первым, ни вторым, нашу беседу можно считать завершенной.

«Но ведь человек умирает!» – чуть не вырвалось у Торвена. Однако он вовремя прикусил язык. Инспектор все понимает не хуже, а может, вдесятеро лучше, чем «мсье иностранец». А ты, приятель, еще удивлялся, отчего никто не стал расследовать смерть Эвариста Галуа!

Все повторялось, как дурной сон. Зануда понял это, когда кучер фиакра сообщил, что ближайшая лечебница именуется Кошен. Та самая, где двумя месяцами раньше умер Галуа – и где сейчас прощается с жизнью Огюст Шевалье, друг покойного математика. В лечебнице отнеслись к случившемуся по-философски. Скучающий врач бегло осмотрел рану, зевнул и велел вызвать труповозку. Лишь упорство Торвена, подкрепленное вескими, а главное, звонкими аргументами, заставило равнодушных эскулапов отнести умирающего парня в палату.

Врач сделал перевязку, вытер руки корпией – и дал совет:

– Тело забирайте утром. Из морга.

Когда же Зануда обратил внимание на то, что пациент в данный момент жив, мсье Гиппократ, вновь зевнув, заметил, что все мы, человеки, еще живы. До поры, до времени.

Торвен нанял сиделку, оплатил перевязки, отправил письма по известным ему адресам; вызвал полицию. А толку? Красномордый инспектор толкует о дуэли, врач уехал по делам, повторив распоряжение о труповозке, а Огюст Шевалье – на пороге агонии.

Как в песне про незадачливого Мальбрука:

Принес я весть дурную,
Миронтон, миронтон, миронть,
Принес я весть дурную:
Пролить вам много слез!

Оставалось одно – бродить по коридору, пустому в вечерний час, опираясь на громоздкий костыль, взятый напрокат вместо трости, разрубленной лихим сабельным ударом, и ждать конца. Костыль давил подмышку, болело плечо, ушибленное при падении. Зануда чувствовал себя треснувшим орехом-стариком. Он и прежде любил, особенно в беседах с неразумными юношами, поминать свой возраст, но теперь мысль о прожитых годах не вселяла уверенность, а, напротив, пугала.

Никому не нужный, никому не интересный мсье скрипит костылем в коридоре пустой больницы. Скрип-скрип-скрип... Такой вот почетный караул.

Четыре офицера,
Миронтон, миронтон, миронть,
Четыре офицера
За гробом шли его...

Он помнил – четыре офицера, если считать китайку Пин-эр, стояли возле смертельно раненного Шевалье, будто четыре капитана при Гамлете. Тот лежал не в гробу – на окровавленной траве. Стонал, бредил, едва шевеля белыми губами. Еще двое – вполне дозревшие покой-

ники – пристроились на краю поляны, пугая стреноженных лошадей. Пистолеты не подвели – обе пули без промаха нашли цели. Торвен стрелял из-под сюртука, не вынув оружия, лежа на боку, но благородные изделия мастера Франсуа Прела не могли оставить зло безнаказанным.

Пожалуй, им и стрелок-то не требовался.

Сюртук был испорчен навсегда. Дыры с обожженными краями не взялся бы латать даже храбрый портняжка из сказки братьев Гримм. Зато д'Эрбенвиль получил свинцовый гостинец в печень, а громила по имени Жак – в голову. Третий успел выбежать на дорогу, чтобы попасть под трость налетевшего Волмонтовича. Вихрем несясь на звук стрельбы, князь срубил мерзавца с седла, по-улански, ни на миг не задумавшись – кто, что, зачем? – и лишь потом соскочил с коня.

Три – один, победа по очкам. Пиррова ухмылка судьбы.

Торвен прикинул, стоит ли заглянуть в палату, и решил погодить. Когда парень умрет, ему скажут – санитару заплачено с лихвой. Лишний раз томить душу не стоит, иначе трещина пойдет дальше, разваливая скорлупу на части. И – прощай, Великий Зануда!

Труповозку к парадному входу!

Вокруг его могилы,
Мирнтон, мирнтон, миронтень,
Вокруг его могилы
Фиалки расцвели...

Нет, песня про Мальбрука никуда не годилась. Никакого оптимизма, сплошной упадок духа. И вообще, кругом не жизнь, а чистая романтика. Темный коридор, Смерть с косой дежурит у входа, инвалид с костылем предается мрачным мыслям...

Торбен Йене Торвен хмыкнул, жалея себя, горемычного. Бедный он, бедный, непутевый, калечный! Что еще? Юные девицы стороной обходят, глазки не строят. Ножка болит, ручка болит. В темноте страхи прячутся – страшные. Всплакнуть. Вздохнуть. Нюни распустить. Все, вроде бы? Все! Ну, тогда на коня, юнкер – и аллюр «три креста».

Дуви-ду, дуви-ди!

Костыль приударил о доски пола – как трость пана Волмонтовича. Или – копыта Дикой охоты.

– ...Так точно, господин полковник. И у нас Дикая Охота есть.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Как же без нее?

Черные всадники на белом снегу – казачий разъезд. Вечер, сумрак, зябкий ветер. На плечах – чужая шинель с чужими погонами. Чужое имя, чужая память.

Чужая страна.

– Но у нас считается, что предводитель Охоты – не Дитрих Бернский, а Вальдемар Аттердаг. Этот датский король, господин полковник, правил очень давно.

– Когда?

– Пятьсот лет назад.

Излагай, юнкер. Не стесняйся. Полковнику фон Клаузевицу приспичило поболтать с адъютантом о народных суевериях. И такое бывает, пусть редко.

– Чем он славен, ваш Аттердаг?

– Это датский Бонапарт. Рассорился со всеми соседями – и пошел воевать. Даже сюда добрался.

Торвен прикусил язык. Подробности ни к чему. Каждому датчанину известно, кто таков Вальдемар Великий, завоеватель Балтики. А вот немцу знать такое не обязательно. Не правда ли, герр Иоганн фон Торвен?

Разъезд исчез в сумерках. Скоро ночь – долгая декабрьская ночь, за которую многое решится. Казаки уехали в сторону прусских позиций. Для всех – на разведку, но недаром полковник Клаузевиц лично явился проводить разъезд. Дикая Охота? А что, похоже. Низкорослые, гривастые кони; бородатые, увешанные оружием всадники...

Торвен искоса глянул на обычно невозмутимого полковника. Волнуется, даже в темноте заметно. Потому и о Дикой Охоте вспомнил. А нам волноваться ни к чему, не правда ли, герр фон Торвен?

Чужое имя, чужая страна. Ледяной декабрь 1812-го.

Год назад доброволец Черного Ольденбургского полка Торвен вышел из госпиталя. Рана была второй – с первой обошлись перевязками, нынешняя заставила месяц проваляться на жесткой койке. Торвен чувствовал себя дезертиром, рвался обратно в полк, желая поквитаться с мерзавцами-шведами. Но – не пришлось. Накануне Рождества его вместе с десятком молодых солдат и офицеров вызвали в Амалиенбург. Все были уверены – за наградами. Фредерик VI не жалел крестов и медалей для своих верных датчан. Медаль Торвен действительно получил, но речь пошла о другом. Его Величество, обождав, пока лакеи плотно закроют двери, обратил внимание гостей на некую любопытную деталь. Собравшиеся господа, насколько ему известно, отменно владеют немецким – ничуть не хуже, чем родным. И, предупреждая недоумение, пояснил:

– Вас собрали не ради награждения.

Так датчанин Торбен Йене Торвен стал голштинцем Иоганном фон Торвеном. Легкий акцент пришелся кстати: в датско-немецком приграничье разговаривали именно так. Нашлись и подходящие документы, и рекомендательные письма. Через месяц молодой дворянин фон Торвен был уже в Берлине. В оккупированной французами столице Пруссии он разыскал сверстника, лейтенанта королевской армии, входившего в тайный патриотический кружок, руководимый генералом Шарнхорстом. Прусские патриоты, не имея возможности воевать с французами дома, готовили группу офицеров для поездки в далекую Россию, чтобы там дать бой врагу Германии – Наполеону Бонапарту. Голштинский патриот фон Торвен радостно вызвался ехать в числе первых. Тогда он и познакомился с неулыбчивым тридцатилетним полковником Карлом Филиппом Готфридом фон Клаузевицем, преподавателем Офицерского военного училища.

В Россию они отправились вместе – и вместе, бок-о-бок, прошли всю войну. От литовских лесов и белорусских болот, через окровавленное Бородинское поле и пустые улицы брошенной Москвы, чтобы вновь оказаться у границы, в окрестностях Риги, где стоял корпус Витгенштейна.

Вначале Торвен не слишком понимал, зачем ему велели надеть вражескую форму. Датская армия, союзник Наполеона, в России не воевала, и он ничем не мог помочь своим товарищам. Те сражались далеко, у рубежей родины, к которым подступили шведские войска. Здесь шла иная война, и он даже сочувствовал храбрым и упрямым русским – ведь они защищали свое Отечество!

Но королевское слово было твердым:

– Трудитесь на благо Дании, господа. Мы надеемся на вас!

Дни шли за днями, недели складывались в месяцы, смерть дышала за ухом, а Торвен ничего не мог придумать. Карл фон Клаузевиц, объявленный в родной Пруссии изменником, делал все, чтобы помочь врагам своих врагов. Его адъютант мог лишь считать дни – и ждать.

И вот, наконец, вечер, казачий разъезд уходит в сторону аванпостов пруссаков, внезапный разговор о Дикой Охоте... Полковник Клаузевиц волновался не зря. Ночью он ждал ответа

от генерала Йорка. Прусская армия собиралась тайно выйти из войны, открывая фронт победоносным русским войскам. Друзья Шарнхорста смотрели еще дальше, надеясь в ближайшие недели развернуть страну к союзу с царем Александром, чтобы бить ненавистных французов плечом к плечу.

Пруссия – это уже датская граница. Война готова покатиться с Востока напрямик на знакомые с детства поля Зеландии. От шведов, врагов извечных и привычных, еще можно отбиться, но если к ним присоединятся казаки и пруссаки...

Rassa do!

Дикая Охота мчалась по заснеженным полям – мертвые всадники на мертвых конях. Не Дитрих Бернский скакал впереди на черном, как смоль, иноходце, не Вальдемар Аттердаг. Одноглазый Один, древний бог войны и разрушения, вел кавалькаду зимними дорогами.

Мчи вдогон, юнкер Торбен Йене Торвен, не отставай.

Аллюр «три креста»!

К утру письмо от Йорка было получено. Прусская армия выходила из войны и открывала фронт. Полковник фон Клаузевиц впервые за эти месяцы позволил себе улыбнуться. Его верный адъютант улыбнулся в ответ.

Зимний рассвет наступает поздно. До первых лучей холодного, тусклого солнца Торвен успел незаметно проехать русские посты, проскользнуть мимо пруссаков, переодеться в заранее припасенное цивильное – и стать самим собой. Южнее, в нескольких переходах, на границе Пруссии и Польши, стояла датская дивизия. Он должен успеть.

«Трудитесь на благо Дании, господа!»

Король Фредерик получил донесение вовремя. Датская армия начала разворачиваться против новых врагов. Победить она не могла, слишком неравными были силы, но свой долг солдаты и офицеры в синих мундирах выполнили до конца. Позже Торвен узнал, что из всех, отправленных с миссией в Россию, домой вернулся он один.

Награда обошла стороной. Как и слава – все эти месяцы он числился слушателем Королевской военной школы. Ему предложили учиться дальше, но Торвен подал рапорт с просьбой вернуть его в Черный полк. В конце февраля 1813-го он доложил полковнику Эрстеду и был зачислен в штат своей прежней роты.

В тот день ему исполнилось восемнадцать.

Время, проведенное в далекой России, Торвен вспоминал редко. Поделиться было не с кем, разве что с Его Величеством. Но король ни разу даже не намекнул, что помнит о тайной миссии. Зануда не обижался – военная тайна, понимаем. Что-то смущало, бредило душу. Он выполнял приказ, защищая свою страну, пусть и в чужом мундире. Никого не предавал, ибо нельзя предать врага. В конце концов, не его вина, что в мире случаются войны.

Торвен знал ответ, но не решался сказать правду. Он все-таки предал одного-единственного человека – полковника Карла фон Клаузевица. Да, тот и сам числился изменником, служившим врагам Пруссии. Одинокий эмигрант, проклятый на родине и чужой на чужбине. Ему было некому верить, и он поверил молодому парню, такому же, как он, изгнаннику и патриоту. Они хлебали из одной миски, стояли под пулями, мерзли в снегах.

И каждый знал, что защищает свою страну.

Несколько раз Торвен порывался написать Клаузевицу. Не покаяться или объяснить – поставить в известность, честно, без уверток. Он уже почти собрался, но совершенно случайно узнал, что полковник не числит его в живых. В ночь, когда он бежал из расположения корпуса Витгинштейна, случилась кровавая стычка на аванпостах, и пропавшего адъютанта занесли в списки убитых.

«Мой дорогой друг фон Торвен так и не дожил до победы», – написал Клаузевиц в письме домой.

Карл Филипп Готфрид фон Клаузевиц умер недавно, в ноябре 1831-го. Когда Зануда узнал об этом, то целый день не мог отогнать знакомый перестук копыт. Дикая Охота наступала, дыша в затылок промозглым мертвым холодом. Торвен с детства помнил, за кем приходят черные призраки. Для одних он – Бумажный Червь, для других – герой.

А для высшего суда – предатель.

Когда пуля сбила с ног негодяя д'Эрбенвиля, он вновь услышал далекий топот. На этот раз мчалась подмога – всадники во главе с Андерсом Вали-Напролом, спешившим на помощь своему лейтенанту. Но Торбену Йене Торвену почудилось, что Андерс Эрстед просто успел первым, опередив на какой-то миг призрачную кавалькаду.

«А ты думал, лейтенант, что в сказку попал? Так в иную сказку и попадать боязно. Братцы Гримм такое пишут – на ночь лучше не читать. А если еще и милый Андерсен примется сказки сочинять? Грозился, паршивец!»

– Виноват, добрый мсье. Не извольте гневаться, начальство задержало.

Сторож, седатый дядька с выправкой отставника-гвардейца, проявился неслышно, словно больничный призрак. Торвен с недоумением моргнул. Что-то не так с его французским. «Добрый мсье» – с какой стати? Или это... Добрый... хороший... Ну, конечно!

– Так что, господин хороший, вот ваша тросточка. Прямоком от мастера привезли. Как новая, дерево прежнее, даже лучше. А костылик пожалте сюда, он казенный.

Зануда без возражений обменял казенное имущество на личное. Королевский подарок величественно, не без презрения впился в пол. Отставной лейтенант выпрямился, расправил плечи. Теперь хоть на войну!

Мальбрук в поход поехал,
Миронтон, миронтон, миронтень...

– Вот, из гостиницы вам прислали.

Взяв пачку писем, он привычно сунул их в левый карман, походя отметив, что адрес на верхнем написан рукой Эрстеда-старшего; выудил серебряную монету – вознаградить услужливого стража.

– А еще ваш парень. Которого вы помирать к нам привезли...

Рука с монетой опустилась. Весь поход – из Булонского леса в лечебницу Кошен. Еще на Новое кладбище доведется завернуть.

– Заснул он, болезный. Бредил-бредил – и сморило беднягу. До утра не очокурится, это я вам твердо обещаю. Навидался... Отправляйтесь в гостиницу, нечего вам здесь делать. А часам к десяти приезжайте. Тогда уж наверняка отойдет. Верно вам говорю...

3

Огюсту Шевалье было хорошо.

Покойно.

Краешком сознания он понимал, что в его положение «покойно» означает все сразу: и хорошо, и удобно, и даже «на своем месте». В самом деле, что делать покойнику на «том» свете? Да что угодно, ибо худшее уже случилось. Покойся с миром в полную свою посмертную волю. А как именно – не все ли равно?

Покоился Огюст в реке, похожей на знакомую с детства Рону. Тоннель исчез, отступил в безвидный мрак. Он не плыл – река несла воды мимо, обтекая лодку, подобравшую новичка.

Это бедный шевалье
В нашу компанию, к Маржолен,

Душу он свою принес –
Гей, гей, от самой реки...

Снежинки остались – мотыльками кружились они над тихой гладью. Тот, Кто управляет Механизмом Времени, повернул их должное число раз. Теперь не имело значения, на сколько градусов отстоят друг от друга их вершины.

Огюст устроился на корме, закинул руки за голову – и внезапно сообразил, что этак и перевернуться можно. Лодка маленькая, весел нет, накренится – и бултых! Прямоком в компанию к неведомой, но всеильной Маржолен. Утонуть на «том» свете! – многообещающее начало, ничего не скажешь.

Голоса смолкли. Никто Огюста ни о чем не спрашивал, не пытался разъяснить его скромную личность. Святой Петр разобрался, с кем имеет дело. Сен-симонистов никуда не пускают – хоть в Рай, хоть в Преисподнюю. Совратят чертей на борьбу Труда и Капитала, организуют свободную ассоциацию работников котла и сковороды...

Тихий шелест воды. Ключья черноты в вышине.

– Вы меня слышите? Огюст Шевалье! Вы слышите?

Рано обрадовался. Только начал входить во вкус, покоиться от всей души...

– Огюст Шевалье!...

– Слышу, слышу...

Мраморный ангел с кладбища Монпарнас, великий знаток математики, восседал перед ним, в неловкой позе устроившись на передней скамье. На бывшем «этом» свете каменный истукан давно опрокинул бы лодку. Или «здесь» даже статуя – не каменная? Душа человека, душа глыбы мрамора...

– Я Огюст Шевалье. А ты – призрак. Галлюцинация, если по-научному.

Ангел быстро, как-то несолидно кивнул.

– Слышите? Это хорошо. У нас мало времени, я могу держать канал до пяти минут...

Поведение ангела насторожило Огюста.

– Давай разберемся, – предложил он. – Итак, ты – галлюцинация, имеющая внешний вид ангела? Или настоящий ангел?

– Кто?!

От изумления мрамор чуть не треснул. Тяжелая челюсть со скрежетом отвисла, монументальные веки попытались моргнуть – без особого успеха.

– Вы что, меня так видите? Великий Разум! А я думал – XIX век, прогресс, успехи науки. Вы же студент, личность передовая, не склонная к суевериям. Друг Эвариста Галуа. Вот и верь учебникам!

Шевалье заинтересовался всерьез, даже сел, опираясь на хрупкий борт.

– А кто ты?

Истукан по-человечьи поскреб в затылке.

– Если вспомнить древнюю терминологию... Подмастерье... Нет, лаборант! Знаете такое слово? Великий Разум! Как это всё у вас называлось? Ну, представьте себе: лаборатория, установка, этот... график работы, все на ходу, все штатно. И тут сбой.

– Сбой – это я?

– Сбой – это вы.

Покоя не предвиделось. Ни вечного, ни даже промежуточного, на часок-другой. Ангел-лаборант зря пенял на учебники. Передовая и не склонная к суевериям личность Шевалье уже нащупала краешек веревки, за которую следует тянуть. Святой Петр и ангелы-херувимы – бабушкины сказки. А вот лабиринт, полный буро-зеленой жижи – кажется, сугубая реальность. Пусть даже она наступит через пятьсот лет.

Эх, Великий Разум!

– Собственно, я лишь хотел убедиться... установить контакт. Ну, приободрить вас слегка! Я понимаю, следовало дожидаться переговорщика, у него образование, навыки...

От прежней кладбищенской уверенности ангела не осталось и следа. А вот Шевалье и вправду ободрился. Смерть ли это? Может, над ним просто ставят опыт? Дотянулись из прекрасного далека, желая прибрать к рукам, сунуть с головой в булькающую жижу...

– Не хочу к вам, – решительно заявил он. – Если ты – из Будущего, то не надо мне такого Будущего. Насмотрелся, спасибо! Мы, между прочим, ради вас на баррикады шли. А вы кем стали? Осьминогами? Варитесь в котле, пузыри пускаете, щупальцы тянете...

Ангел-лаборант встопорщил кончики крыльев.

– Видели, значит? Хронопсихолога бы сюда... Я-то по другой специальности, даже «архаичку» изучал факультативно. II тысячелетие, древность, кремневые топоры. Скучища!

– Спасибо, – поблагодарил Шевалье.

– Ну, представьте себе, что вы homo erectus. Синантроп... Ах да, это было позже. Ну, допотопный человек. Троглодит из пещеры.

Огюст вспомнил рисунок троглодита, украшавший лабораторию Кювье. Низкий лоб, бегающие глаза, в руке – тяжелая дубина, по телу – густая собачья шерсть.

Красавец!

– И вы, троглодит, попадаете в Париж XIX века. Что вы поймете? Ваше сознание попытается адаптировать увиденное в привычные образы. Вы увидите мамонтов, или неведомых монстров, желающих вас проглотить; многоэтажные пещеры, каменную землю. Ой, извините! Канал сейчас схлопнется...

Ангел привстал, готовясь взлететь. Мрамор плавился, из-под него проступил, сияя, гладкий металл. И все исчезло – река, лодка, тьма над головой. Остались снежинки, выросли, подступили – ряд за рядом, слой за слоем. Сам Огюст тоже стал снежинкой – яркой, пушистой, излучающей серебристый свет.

«Механизм Времени? Я – его часть?»

Зубчатые шестеренки двигались, раздвигая видимый простор. Мир струился между ними, с каждым мигмом ускоряясь, набирая темп. Чернота сменилась пульсирующим сиянием. Огонь густел, переливался, заполнял собой все...

– Замещение состоялось, – констатировали из огня. – Процесс займет шесть стандарт-часов. И не вздумайте его снова потерять...

Шевалье не удивился.

Снежинки не удивляются – у них полно иных важных дел.

4

«...С тем и вышел Бедный Поэт из королевского кабинета. Толстые вельможи, только что презрительно на него косившиеся, принялись кланяться, все дамы присели в книксене, а попугай в золотой клетке закричал: „Ур-р-ра Хансу Хр-р-ристиану Андер-р-рсену! Ур-р-р-ра кор-ролевскому пенсионер-р-ру..!“ И все разом, включая попугая, принялись набиваться к нему в верные друзья. Бедный Поэт поклонился присутствующим, ибо был от природы вежлив, но не сказал ни слова и ушел прочь из золотого дворца – в шумный веселый город, к настоящим друзьям. Зайдя на рынок, он купил путевую суму, посох и новую веревку, ибо решил, наконец, повидать большой мир. А потом пришел в свою каморку на пятом этаже и сел писать новую историю.

Такая вот получилась сказочка, дорогой дядя Торбен. Король, конечно, молодец, спасибо ему, но, грешен, не могу забыть, как он заставлял себя упрашивать. Вопрос о пенсии был решен, но его величеству очень уж хотелось, чтобы Бедный Поэт снизошел до почтительной

мольбы. А вышло наоборот: наш старый Фредерик, кажется, очень горд тем, что перед ним склонился в поклоне *сам* Ханс Христиан Андерсен.

И смех, и грех!

Новую веревку я действительно купил (полезная вещь, Вы сами убедились), но собираться в дальний путь начну чуть позже. Очень много работы. Это лишь в сказках и «романтических» элегиях Бедный Поэт бродит по лугам и рощам, томно вздыхая в ожидании Музы. Реальному же литератору приходится целый день корпеть над рукописями, зарабатывая на хлеб насущный. Я набрал заказов на либретто для Королевского театра, два успел сдать, два в работе (по Вальтеру Скотту и Гофману). Меня уже оценили, обозвав в рецензии «палачом чужих произведений». На очереди к эшафоту – «Нельская башня». Гере Дюма удостоил меня письмом (какой у него прекрасный почерк!), милостиво дав согласие на переработку пьесы для нашей сцены. Он просил, однако, чтобы задуманный мною Находчивый Трубочист был не просто трубочистом, но молодым дворянином, вынужденным скрывать свое благородное имя. Дюма предложил назвать его д'Артаньяном (Артаньян – маленькая ферма в Гаскони; для тех, кто понимает, и вправду смешно), но я подберу что-нибудь более понятное для датчан. Ведь пьеса, если вы помните, будет называться «Башня Эльсинора».

Ужо наточу я топор!...»

Торбен Йене Торвен отложил недочитанное письмо, провел ладонью по глазам. Бедный Поэт определенно не унывает. Значит, и ему, Великому Зануде, негоже падать духом. Как там в песне про сэра Мальборо?

Мальбрук не унывает
Миронтон, миронтон, миронть,
Мальбрук не унывает,
А все идет вперед!

5

Счастливы ли снежинки?

Ни забот, ни хлопот – кружись над землей, каменной от мороза. Ах, снежинка – гордый ответ Творца безбожникам! Законы лысых мудрецов – разве способны они сотворить чудо? Они и понять-то его не могут.

Наука – слабый инструмент в дрожащих руках.

Снежинка Огюст Шевалье был счастлив – в звенящей тишине, где даже мысли отдаются громким эхом. Тьма и свет слились, обретя равновесие. Людские горести – прах, тлен, смешное недоразумение. Он ничего не забыл. Ни свою несовершенную – незавершенную! – жизнь, ни боль, рвавшую тело зубами; ни реку со смешным ангелом.

Ступени, ведущие в эфир – обитель снега.

Кто спешит на небеса,
В нашу компанию, к Маржолен?
Это бедный шевалье –
Гей, гей, от самой реки...

Товарищи по Обществу – из молодых, последнего призыва – человека сравнивали с газовым фонарем. Фонарь разбили, газ растворился в пространстве. Где Венец Творения? Был – и сплыл, и никакого вам «бессмертия души».

Сюда бы этих умников – полюбоваться...

Он устремился вперед с удвоенной отвагой. Страх остался на Земле. На планете, которую еще только предстоит улучшить. Сияющий Париж, виденный им во сне, – мечта человека, которому не встать выше своего века. Он видел привычное, пусть и лучшее во много раз. Таков был и кошмар, насланный Эминентом. Лужа бурой слизи со щупальцами – с сияющих вершин в живое дерьмо.

Шевалье беззвучно рассмеялся. Вот вам и ответ, герр Книгте. Вы, конечно, штукарь изрядный, как и все ваши братцы-алюмбрадцы, но вам не под силу подняться *над* миром. Кого вы напугаете здесь лужами и щупальцами? Да и я хорош. Тайное общество, баррикады, листовки...

Нынче он попал сюда,
В нашу компанию, к Маржолен...

Перезвон колокольчиков обжег, отрезвил. Счастье рассыпалось мелкими осколками, как зеркало в руках злой королевы. Так просыпаются от грез курильщики опиума.

– Эй! Кто-нибудь!

Крикнул, не подумав, есть ли голос у снежинки.

– Слышите меня? Я – Огюст Шевалье. Я, кажется, заблудился...

Эфир потемнел, каменей.

– Помогите! Я – Огюст Шевалье! Я хочу вернуться...

– Шевалье Огюст. Место рождения – город Ним, Франция, – равнодушный голос ударил ледяной крошкой. – Процесс завершен на сорок семь процентов. Скорость – в пределах допустимого. Соппротивляемость материала близка к единице...

Раньше этот же голос толковал о некрологе.

– Целесообразно создание резервной копии объекта «Огюст Шевалье». Целесообразно регулярное обновление информации об объекте «Огюст Шевалье». Целесообразно...

– Живые тут есть? – шепотом поинтересовался объект Огюст Шевалье, сообразив, что с чтением некрологов (местным пономарем, не иначе!) каши не сварить. – Эй, народ! Не молчите, не по-людски это!..

– Это вы, Шевалье? Погодите, сейчас уберу помехи.

Уж не ангел ли лаборант соизволили отозваться?

– ...секторы пять и восемь нуждаются в дополнительной проверке. Информация по сектору двадцать четыре отсутствует...

Пономарь опять взялся за свое.

– Слава Разуму, настроил! Шевалье, не отвлекайте меня, пожалуйста. Я не виноват, у нас на этот случай ничего не было готово. Пришлось импровизировать. Потерпите, а? Я заканчиваю...

«Сколько?» – хотел спросить Огюст, но не решился. Все равно ни часов, ни солнца. Да и есть ли здесь Время?

– ...Создание матрицы объекта «Огюст Шевалье» завершено. Начинаю загрузку информации. Заполняется сектор один...

Снежинке хотелось домой. С каждым мгновением ей становилось все хуже, все тяжелее. Скользи, падай, крутись в черном вихре...

Больно!

Сцена вторая

Черный Гном-Расчленитель

1

Как-то, в очередной раз оставшись на мели, Ханс Христиан Андерсен решил всерьез заняться датским фольклором. Его, как патриота, огорчало пренебрежение высокомерных коллег-литераторов к легендам Отчизны. Стыдно вспомнить, но единственный сборник датских сказок издал не датчанин, даже не швед, а самый настоящий немец – Якоб Гримм, старший из братьев. Терпеть такое Андерсен был не намерен и, захватив обязательную веревку, в тот же вечер отправился в народ: слушать и записывать.

Вернулся он через десять дней, без веревки, башмаков и шляпы, зато с толстой тетрадью – и сел за работу. Задуманные им «Датские сказания из народных уст» предназначались для детей, дабы воспитать в них любовь к Родине.

Первый вариант был опробован на Каре-Непоседе, внуке привратника в особняке академика Эрстеда. Помешать не успели – Андерсен продекламировал Непоседе легенду, именовавшуюся «Замок Кровавой Руки». Результат озадачил всех, и прежде всего автора. Каре, шалопай и драчун, неделю ходил тих и молчалив, категорически отказывался ночевать один (деду пришлось потесниться в его каморке), а с закатом солнца боялся выглянуть на улицу.

Когда его спрашивали о причине, он начинал заикаться.

Следующую легенду гере Торвен решил выслушать лично, с глазу на глаз, понадеявшись на крепкие нервы и военный опыт. Выдержал, похвалил, однако перед сном попросил дочь, дабы та озаботилась принести в его спальню канделябр с полудюжиной свечей. Заснуть, впрочем, не удалось, даже с заряженным пистолетом на туалетном столике. Наутро, дождавшись прихода литератора, Зануда убедительно посоветовал ему не спешить и основательно поработать над стилем, дабы юные датчане в полной мере оценили глубины народной мудрости.

Вспомнилась эта поучительная история не зря, ибо услышанная Торвеном легенда называлась «Черный Гном-Расчленитель». И начиналась она рассказом о том, что руки у Расчленителя были хоть и маленькие, но очень сильные – и холодные, как февральский лед.

– Да скорее же, мсье Торвен!

Твердые и холодные, как февральский лед, пальцы вцепились в плечо. Зануда и сам не понял, как оказался в рессорной коляске – сзади от кучера, справа от седока. Того, что схватил его гномьими ручками.

– Господин Тьер! – проникновенно вздохнул Торвен. – Я был бы очень вам обязан, если бы вы изволили пригласить меня иным способом...

– Крайняя необходимость! – прозвенело в ответ. – Вежливость – смазка для эшафота! Малой петлей... Пошел!

Последние слова предназначались кучеру. Тот щелкнул кнутом, отправив коляску по загадочной «малой петле». Между тем гномик – бывший товарищ министра финансов, депутат Луи Адольф Тьер – натянул верх коляски, скрыв седоков от досужих взглядов.

Зануда решил не спорить. По крайней мере, до выяснения причин беспардонного похищения. В глубине души он был рад неожиданной задержке.

Все лучше, чем идти в лечебницу – на свидание со Смертью.

Этим утром он одевался с особым тщанием. День обещал быть жарким, но Торвен надел новый сюртук. Скромные туфли, шляпа с узкими полями, обязательная черная повязка на рукав. Трость. Постарался мастер, как новенькая!

Солидно, серьезно, скучно – в самый раз.

Оставьте алый бархат,
Мирнтон, мирнтон, мирнтень,
Оставьте алый бархат
И светлый свой атлас!

Собирался не на праздник. На всякий случай решил приехать к девяти. Мало ли зачем может понадобиться свидетель «дуэли»? Вдруг найдется совестливый инспектор, которого заинтересуют его показания?

Мальбрук наш славный умер,
Мирнтон, мирнтон, мирнтень...

Фиакр он отпустил за два квартала – хотелось пройтись, прежде чем глотать воздух лечебницы, пропахший микстурами и миазмами. Торвен понимал, что это слабость, недостойная Лесного Ореха. Увы, постарел орех, треснул, высох.

Коляска Тьера ждала его недалеко от входа.

– Только бы Гизо не стал премьером! Тогда все, мсье Торвен, конец. Конец нашей партии, Франции, мне...

Зануда мысленно вычел из Вселенной перечисленное и решил, что волноваться не стоит. Без бывшего товарища министра, его партии – и даже, прости, Господи, без Прекрасной Франции! – в мире останется немало хорошего.

– А ведь он так и рвется! Боюсь, наши с вами неприятности готовились заранее. Уверен! Мои коллеги твердят про иезуитов, про козни Ватикана. Ерунда! Враги здесь, в Париже. И Гизо, чтоб он пропал – первый!

В прошлый раз, при их первом знакомстве, Гном-Расчленитель щеголял в парчовом жилете, модном фраке и белой сорочке с воротником, подпиравшим уши. Сегодня он предпочел темное – сюртук застегнут до горла, шляпа натянута на густые брови. На войне, как на войне. Сокруши Гизо – спаси Францию! Но при чем тут мирный путешественник?

Что нам какой-то зловердный мсье Гизо?

– Не понимаете? – гномик с сочувствием вздохнул. – А ведь начнут не с меня, не решатся. С вас начнут – и с ваших друзей. Точнее, уже начали.

Зануда сложил нехитрый пасьянс. О ранении Огюста Шевалье он написал Тьеру лично. Ходили слухи, что депутат покровительствует братьям Шевалье, и слухи неложные. Гном приехал, но не сразу – утром, к смертному одру. А за ночь успел навести справки.

– Вы думаете, на Шевалье напали не случайно?

Тьер хмыкнул в ответ, разозлив даже терпеливого Зануду.

– Нельзя ли без этого, господин Тьер? Человек умирает!

Густые брови взметнулись, чуть не сбросив с депутатской головы шляпу:

– Умирает? Простите, кто?!

Настал черед изумиться Торвену.

– Кучер у меня опытный, – Тьер быстро выглянул наружу, – еще со времен Бурбонов. Я тогда две ночи подряд в одном доме не ночевал. Если есть опаска, что за нами следят, он едет по «петле» – так легче заметить шпики. У Гизо полно дружков в полиции, таких же, как он, реакционеров, врагов нации... Если вы о Шевалье, мсье Торвен, то вас напугали, а заодно и обманули. Я только что от него – живехонек. Досталось ему крепко, но это не критично.

Зануда проглотил язык. «Не критично» – это как? Врач заживо похоронил, еле уболтали перевязать; труповозка с вечера дежурит...

– Я прямиком из палаты. Признаться, сам испугался – после вашей записки. Мы ведь с его старшим братом, с Мишелем, считай, друзья. А он, как назло, до сих пор за решеткой. Из-за таких, как Гизо, никак амнистию не пробьём. Ну, думаю, не смогу Мишелю в глаза смотреть...

Странное дело – в этот миг Гном-Расчленитель обрел сходство с обычным человеком. Нормальным, даже в чем-то славным. Не слишком большое сходство, конечно. И не слишком надолго.

– Служители подтвердили – на поправку пошёл. Еще без сознания, но пульс ровный. И рана затягивается...

Торвен пытался унять головокружение. Луи Адольф Тьер определенно не лгал. Может, взор гномику отвели? Позвал злодей Гизо иезуитов, те кликнули колдунов-друидов...

Иначе как это всё прикажете понимать?!

– Запоминайте, дважды повторять не стану. Мсье Эрстеду надо без промедления уезжать из Парижа. Сегодня, сейчас! – ледяная ладошка легла на запястье. – Не сомневаюсь, вчера полиция умыла руки. Думаю, даже протокол не составили.

– Угадали, – кивнул Торвен.

«Час от часу не легче! – подумал он. – Полковник-то здесь каким боком?»

– Вот! – грозный пальчик ткнул в небо, скрытое верхом коляски. – Ищейкам господина префекта нет дела до разных Галуа и Шевалье. Демократом больше, демократом меньше... Но сегодня префектура дала команду: искать трех подозрительных иностранцев!..

Гномик сделал паузу, дабы полюбоваться эффектом.

– ...которые обоснованно подозреваются в убийстве Эвариста Галуа, в покушении на убийство Огюста Шевалье, а также в массовой резне законопослушных французов, случившейся в Булонском лесу. Названы имена, хотя и не все: «эмигрант Андерс Сандэ Эрстед, известный карбонарий,⁶ изгнанный из Дании за организацию покушения на короля, и два его наемника – русский и китаец». Розыск начался.

Рука Торвена забралась под сюртук, где дремали верные пистолеты.

Розыск, говорите?

– Оружие не поможет! – резкий голос гномика заставил отдернуть пальцы. – Слушайте дальше. Я очень уважаю мсье Эрстеда, истинного либерала и конституционалиста, но дело не в нем. Это заговор! Убили Галуа, пытались убить Огюста – и подбросили донос с указанием нужных подозреваемых. Заговор, я вам точно говорю!

– Иезуитский? – не удержался Зануда.

– Гугенотский, – буркнул обиженный Тьер. – Неужели вам непонятно? Реакция готова перейти в наступление, создать кабинет из мракобесов типа Гизо, раскатать либералов, словно тесто, и установить диктатуру. А для этого им нужен шумный процесс – с убийством, эмигрантами-карбонариями и их парижскими сообщниками. Мсье Эрстед вполне сойдет за карбонария...

– А вы – за парижского сообщника. Я понял, господин депутат.

Подмигнув насупившемуся гномику, Зануда рассудил, что тот не похож на страшного Расчленителя. Таким не напугаешь даже Каре-Непоседу. Обычный политик, карьерист-недо-министр.

– Господин Тьер, вы меня очень обяжете, если сократите «петлю». Подбросьте меня к месту тайной встречи. Шпион по кличке «Мальбрук» желает предупредить карбонариев.

Вскоре коляска остановилась в Латинском квартале, на улице Ансьен-Комеди.

⁶ Карбонарий (*итал.* carbonaro, «уголыщик») – член тайного общества, основанного в Италии, которое боролось против чужеземного гнета. Довольно быстро слово «карбонарий» стало обозначать вообще членов тайных обществ, борцов с режимом.

2

– Подробнее, гере Торвен. И, если можно, меньше эмоций.

Зануда скрипнул зубами. Еще меньше? Он и так вообразил себя поленом, деревянным чурбаном, чтобы не завопить с порога:

«Полковник, окружают! Драпать надо!...»

Промолчал – не на войне. Да и стыдно на войне орать такое. Чины Черного – как Гном-Расчленитель! – Ольденбургского полка не драпают. Они отступают с боем, огрызаясь и топчя вражью кровь. Только как тут огрызаться? Завалится в кафе «Le Procure» полицейский наряд, накроет заговорщиков тепленькими. Не посмотрит, что за здешними столиками сиживали Вольтер, Дантон и Марат, что именно тут Бомарше ждал провала или триумфа «Женитьбы Фигаро»...

Повезло – забыла службу полиция, не явилась. Тихо в «Le Procure», малоллюдно. Пьет богема парижская кофе, круассанами заедает. Нет им дела до троих иноземцев, примостившихся в углу. Хвала святому Кнуду – и святой Агнессе хвала, даром что грех поминать их истинному лютеранину.

– Мы слушаем, гере Торвен.

Зануда доложил. Андерс Эрстед изволил кивнуть. Князь Волмонтович окуляры поправил. Экзотическая красавица Пин-эр, как заметил Торвен еще в дверях, числилась в нетях. О причинах спрашивать он не стал. Наемника-китайца нам только не хватало! И так шпион на шпионе сидит, шпионом погоняет.

– Такое вот резюме, – завершил он доклад.

Главный мэтр шпионажа Андерс Вали-Напролом на резюме не отреагировал и перешел к пункту второму повестки их злодейского совещания. Мол, пишут ли из родной Дании? Поделались бы, новостями потешили. Пишут, согласился Торвен. И попытался изложить письмо гере академика кратко, в тезисах. Не вышло – Эрстед-младший затребовал подробности.

– Сообщение от гере Андерсена излагать? – спросил дотошный Зануда. – Про пенсию, веревку и либретто?

– Не надо, – смилостивился Эрстед.

Была, была в давние годы у полковника милая привычка – заводить беседу под пулями. Страшно, а не побежишь. Перед командиром неловко. И пулям кланяться не станешь – по той же причине.

Подробности, значит?

Лейтенант Торвен на миг прикрыл веки, словно ставя заслон против картечи, сыпавшейся со всех сторон. И в самом деле, что за беда? Новости науки важнее вражеской пальбы. Металл пел над ухом, по спине не ползли – вприсядку плясали наглые мурашки.

– Ваши выводы?

– Самое важное, что гере академику удалось выяснить кое-что новое о работах Николя Карно. Я имею в виду интерес французского инженера к перегонке нефти. Как ни странно, его интересует не обычный фотоген, которым заправляют лампы, а отходы процесса. Более тяжелые фракции.

– Вы имеете в виду мазхулат и «газовое масло»?⁷

– Да.

– Но ведь их сжигают в ближайшей канаве! Или сливают в водоемы...

⁷ Фотоген – керосин (термин «керосин» широко распространился позже, прим. с 1860 г.). Мазхулат – мазут (от арабского «мазхулат» – отбросы). «Газовое масло» – газولين.

– Вот поэтому гере академик и обратил внимание на подозрительное увлечение Карно. Если банкир ходит возле мусорных куч – жди, что мусор взлетит в цене. Если инженер роется в помойке, он нашел для помоев место в прогрессе цивилизации.

– А я, панове, вчера по Монмартру променад совершал, – дернул бледными губами Волмонтович, изобразив светскую улыбку. – Видел полезную книжицу. Некая пани Артюр постаралась. «Легкое и эффективное лечение фотогеном: пособие для недужных дам». Мне сразу такие мысли в голову пришли, я прямо устыдился! Пан Торвен, вы уверены, что ваш депутат Тьер не брешет, как пес?

– Насчет полиции? – усомнился Торвен. – Вряд ли.

– Полиция – ладно. Я про беднягу Шевалье. Поверьте моему грустному опыту – от такой раны он уже умер бы раза три подряд.

Иронический тон не помог. Было видно без окуляров: князь взволнован. И не фотоген тому причиной. Волмонтовича смущал Огюст Шевалье, не желающий умирать. Странное дело – князю бы порадоваться...

– Не каждый, панове, кто выжил – в самом деле жив...

– Погодите, Казимир! – оборвал друга Эрстед. – Сейчас главное – Карно. Его слова, которые брату пересказал в своем письме Мориц Якоби. «Пора переходить от бессистемных попыток механического ускорения к созданию настоящего Механизма Пространства». Я правильно запомнил, Торвен? Механизм Пространства... Карно, должно быть, нащупал что-то очень важное. Поэтому его жизнь кое-кому сильно мешает. А насчет бедняги Шевалье...

Он допил кофе и махнул гарсону, требуя счет.

– Нам лучше убедиться самим. Для того мы сюда и приехали, верно?

– Нет, – возразил Зануда. – Лично я приехал в Париж, несмотря на мою хромоту, с целью уговорить Николя Карно поделиться своими разработками. Не со мной – с учеными Европы. С вашим братом, гере Эрстед. С Морицом Якоби, который со дня на день обещает нам действующую модель «магнитного аппарата». С его коллегой и соперником Сальваторе даль Негро, взявшим патент на первую электродвижущую машину. С Сесилем из Кембриджа, создателем атмосферного двигателя; с Райтом, запатентовавшим двигатель газовый. Что знают двое, извините, то знает свинья. А всех свиней, еще раз извините, не перебьешь. Мне бы не хотелось читать некролог, посвященный упряму Карно, в какой-нибудь «Прежюрсер».

– А я в Париже потому, что в Париже вы, друг мой, – заметил Волмонтович. – Все остальное меня интересует мало.

Андерс Эрстед поморщился:

– Не надо, господа! Человек ранен. Пострадал он в том числе и по нашей вине. Мы обязаны узнать, как его дела – и помочь, чем сумеем. Мы немедленно отправляемся в лечебницу. Согласны?

Горький вздох Волмонтовича был слышен даже на улице. Торвен развел руками. Иного от Вали-Напролом он не ожидал. Все верно, господин полковник, первое дело – раненые.

Остальные сами о себе позаботятся!

3

– Поразительно, государи мои! Фан-тас-ти-ка!..

Врач кашлянул со значением и повернулся к Эрстеду, безошибочно определив в нем старшего.

– Честно говоря, вчера я был уверен, что этот случай никому не интересен. Ни в плане медицинском, ни, извиняюсь, в социальном. Таких бедолаг к нам привозят часто. Они наскучили всем – семье, полиции, репортерам. Парижу подавай иные сенсации...

Эрстед вежливо кивал и поглядывал за спину лекаря – туда, где на узкой койке лежал Огюст Шевалье. Ближе его не подпускали. Врач, еще недавно равнодушный к пациенту, как Будда – к соблазнам, сегодня кружил над больным, будто гриф-стервятник.

– Проникающее ранение в брюшину. Случай кристально ясный. Но взгляните, умоляю вас! – он откинул шерстяное одеяльце, демонстрируя гостям Огюста, нагого, как в мертвецкой. На казенную сорочку для доходяги лечебница Кошен поскупилась. – Рана практически зарубцевалась! А шрам! Это прелесть, а не шрам!..

– Так не есть! – вырвалось у князя. – Не должно быть! Пан врач! Мсье! Удостоверьтесь еще раз, что молодой пан жив. Что он не есть... кто-то другой...

Кривился бледный рот. Длинные пальцы то и дело сжимались в кулаки. От волнения у Волмонтовича прорезался жуткий акцент. Торвен, сидя в углу на табурете, видел, что поляку нынешнее чудо не по душе. Хладный труп под белой простыней устроил бы его не в пример больше.

– Он жив, – вмешался Эрстед. – Не спорьте, Казимир. Движения мышц, пульс, температура. Я понимаю ваши сомнения, но, с другой стороны, верю докторам и собственным глазам...

Князь фыркнул, скрестив руки на груди.

Снежинка искала врага. В черной бездне, в зимнем вихре.

Где? Кто?!

Мелькнуло и сгнуло лицо д'Эрбенвиля, искаженное яростью. Мясник, убийца за сотню сребреников. Явилось, как на сцене театра – хмурый датчанин Торвен приподнимается на локте, его стюртук рвется, брызжет огнем. Д'Эрбенвиль вскрикивает, опирается на саблю; клинок ломается под весом падающего тела.

Гори в аду, иуда!

– Напишу статью! – врач потер руки, воркуя над своим пропуском в Академию Медицины. – Непременно! В «Арч мал кур», в «Ля пресс медикаль»... Пусть только посмеют не напечатать! Знать бы причину... вначале думал – мерещится...

Он наклонился к пациенту, осторожно приподнял левое веко.

– Вы это тоже видите, государи мои?

Взгляд Огюста Шевалье был темен и пуст – сознание не вернулось. Но не пуст был зрачок – в центре черного озера мерцал свет. Серебро, пушистые лапки, симметрия зимы...

– Снежинка? – растерявшись, предположил Эрстед.

Тускнеет, исчезает, гаснет...

Растаяла.

Следуя совету философа Секста Эмпирика, Зануда от суждений воздержался. В годы давние, военные, он насмотрелся на раны и прекрасно знал, от чего люди умирают. Но война научила и другому: случается всякое, майне гере. Иногда Смерть промахивается, иногда – шутки шутит. Француз жив, и это факт. Другое дело, каковы будут выводы из этого факта.

– Нам лучше уйти, панове! Андерс, честью клянусь, не Божья это воля!

– Оставьте, князь.

– Вы все забыли, Андерс!..

...может, полиция? Галуа-младший уверен, что его брата убили головорезы из префектуры. Сначала революционер-математик, потом – революционер-грузчик...

Широки ворота префектуры, словно в Преисподней. Всякие заходят – игроки, беглые каторжники, воры, разбойники, Видоки. Только дураков там нет. Посылать шайку в Булонский лес во главе с трижды «засвеченным» агентом Топазом? Это ли почерк Жиске, префекта-кудесника?

Нет, не полиция. Кто остается?

Эминент?

– Будьте справедливы, Огюст. Забудьте про мораль, бог с нею...

Князя не слушали.

Врач, щелкая языком от изумления, вновь и вновь демонстрировал шрам, бледнеющий на глазах: «С ума сойти!» Эрстед внимал лекарским восторгам с явным облегчением. Божья воля, чья-то иная, но одним грехом на душе меньше. Торвен же ушел мыслями в дела практические, от чудес далекие.

Если полиция уже получила приказ об аресте карбонариев, значит, через заставы не проехать. Есть путь через катакомбы – знаменитую парижскую Клоаку. Но его поди-сыщи, опередив глазастых ищеек. Нет, катакомбы – это романтика, причем дурная. Черные плащи, белые кости... Стихия земная отпадает. Что остается? Стихия воздушная? Помнится, бравый полковник недавно бежал из Парижа на воздушном шаре, и никто не пострадал...

Не считая копенгагенской Ратуши.

Воспарив в выси горние, он не заметил, как исчез врач – не иначе, статью кропать удрал. Остальные тоже начали собираться; Волмонтович – с видимым облегчением.

– Будь мы в Китае, господа, – криво улыбнулся Эрстед, – я бы предложил непротиворечивую теорию...

– Будь мы в Трансильвании, я тоже, – буркнул князь.

Луч солнца, протянувшись от окна, шарил по лицу молодого француза – словно желал растопить снег под веками.

– Есть логика, а с логикой не поспоришь...

Упрек Эминента звучал устало. Отставной алюмбрад не гневался на глупого сен-симониста. Он честно пытался объяснить.

– Я должен быть последним из злодеев, чтобы убивать людей, не причинивших мне зла. Хорошо, допустим, я злодей. Я решил отправить вас к праотцам. Сколько раз я мог это сделать? На кладбище, после похорон Галуа, мистер Бейтс предлагал разыграть самоубийство. Он фантазер, наш Бейтс, а фантазии порой заводят в могилу. Вас закопали бы под чьим-то гробом – и все. В худшем случае закопали бы живым...

В мире снежинок нет места страху. И хорошо, что нет. Скверная картинка: приказ барона фон Книгге – и вот здоровяк Ури раскапывает чужую могилу, мистер Бейтс, зубасто улыбаясь, связывает жертву веревкой...

– Андерс, вы обещали меня слушаться. Идемте отсюда, скорей!

– Куда вы торопитесь?

– В Писании сказано: пусть мертвые хоронят своих мертвецов...

– Ну, нашему молодому другу сие не грозит, – Эрстед склонился над раненым, с заботой накрыл его одеяльцем. – Помнишь байку про святого Себастьяна, покровителя ландскнехтов? Встретишь его дождливой ночью – любая рана зарубцуется. Мсье Шевалье! Вы меня слышите? Признаться, вы нас здорово напугали...

– Андерс, не говорите с ним! Это опасно...

– Оставьте, князь...

– ...отравление на приеме у баронессы. Глоток лимонада – и у вас холера. Выстрел из-за угла, когда вы уходили с баррикады. Кто бы стал разбираться? Логика, Огюст. Принцип Оккама – отсекайте лишнее. Вас пригласили на встречу в Булонь. Вас туда сопровождали...

Снежинка молчала. Да, честный Торвен пристрелил негодяя. Но чуть позже, чем следовало бы. Хромец мог быть пешкой, которой поручили организовать доставку жертвенного агнца к стенам аббатства.

– Кого вы искали, Огюст? Человека, о котором я вас предупреждал?

Голос превратился в еле различимый шепот.

– ...некто, умный и богатый, мечтает совершить то, что не удалось вашему императору. Он собирает армию – не из солдат, из ученых. Пытается закрыть остальным доступ к наиболее важным открытиям...

Лицо Эминента исчезло, сменившись иным, тоже знакомым – пусть Шевалье видел его лишь однажды, в бреду. Волна благородных седин, мощный лоб без морицин, волевые бугры в углах рта. Мешки под строгими, глубоко посаженными глазами; между бровями – асимметричная складка... Таким он станет через много лет – когда выйдет из тени и сбросит маску, чтобы занять пост премьер-министра Дании.

Андерс Сандэ Эрстед.

– А-а-а!

Зарывав, как дикий зверь, Огюст Шевалье привстал – и правой рукой вцепился в горло врага. Левая, устремившись к той же цели, зачерпнула пустоту. Опоздав уклониться от первого захвата, Эрстед все-таки откинулся назад, не дал сомкнуться чужим пальцам.

«Стареет полковник, – отметил Зануда. – А француз – удалец, со смертного ложа в драку лезет. Горяч, как котелок с пшенной кашей. Надо увозить его из Парижа, иначе хлопот не оберешься...»

Уделив должное время рассуждениям, гере Торвен, однако, не двинулся с места. Волмонтовича хватило на большее. Он произнес краткую польскую фразу с тяжелым немецким хвостом, взмахнул тростью; не ударив, заскрипел зубами:

– То упырь, панове! Упырь, так и знал!

– И что теперь?

– Торвен, цельте клятому хлопцу меж глаз!

– Цельте сами, князь!

– Не могу, холера ясна!

Ситуация отдавала мрачным комизмом. Трое взрослых, опытных – воевавших, наконец! – людей перебрасывались репликами в тесной палате. Старались вести себя так, чтобы буйный мсье Огюст не вернулся с их помощью обратно на койку, а оттуда – и в заждавшийся гроб. Князь дрожал всем телом – казалось, поляк встретил младшего брата, слабоумного, не со зла творящего дурные поступки. Такого бы наградить затрешиной, да рука не подымается на убогого...

– Андерс, берегись! Укусит, пся крев!

Трудно сказать, услышал ли Эрстед. Зато Шевалье отреагировал, не думая. Левая, свободная рука, сжавшись в кулак, ткнула поляка в подбородок. Удар вышел скорее обидный, чем опасный. Но доставить неприятности он сумел.

– БГ-г! Ау-а-а-а!

Язык Волмонтович определенно прикусил.

Голый Огюст встал с койки, по-прежнему держа Эрстеда за горло. Полковник, красный от натуги, в свою очередь крепко держал запястье француза. Низко опустив подбородок, он придавил ладонь Шевалье, мешая тому сжать пальцы изо всех сил. Иных мер Эрстед не принимал.

На шее его вздулись синие жилы.

«Черный Гном-Расчленитель!» – сказка заслуживала пера знатного фольклориста Андерсена. Телосложения «гном» был крепкого, впору мешки на баржи грузить. Но даже окажись француз королем грузчиков – ему не задушить Андерса Вали-Напролом *одной* рукой.

А про вторую он забыл.

Говорят, человек возвращается из забвения, чтобы встретиться с болью, заскучавшей по хозяину. Говорят, такое сложно пережить. Боль наваливается рыхлой массой земли, хоронит заживо. Что откроется взору? Кроны деревьев над поляной с мертвецами? Тьма могилы? Белый потолок лечебницы?

Враги, желающие добить раненого?

Друзья, пришедшие на помощь?

– Пан Торвен! Сделайте что-нибудь! Я не могу его ударить!..

– Почему, князь?

– Он же новорожденный!

«Да хватит вам! – чуть было не пригрозил Торвен. – Тоже мне, романтики!» Словно услышав его мысли, Эрстед неувовимо дернул правым плечом, ставя точку в затянувшейся комедии.

Английским боксом полковник увлекался с университетской скамьи. Позже, живя в Лондоне, регулярно посещал заведение Даниэля Мендосы – того самого, о чьих поединках газеты писали на первых страницах, тогда как штурму Бастилии отводились вторые.

Хук!

Бах!

Ой!

Упал на землю всякий,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Упал на землю всякий,
Упал и после встал...

Выждав с минуту, Эрстед склонился над койкой, пощупал пульс у весьма удачно рухнувшего Шевалье. Оттянул верхнее веко, убедился, что снег растаял. И, до сих пор красный, как вареный рак, виновато развел руками:

– Будем считать это порцией успокоительного.

– Андерс! Ты... Он тебя...

Бессвязные выкрики Волмонтовича доносились из угла, где князь без особого успеха искал окуляры. Те от воплей поляка сбежали с носа и прятались.

– Не увлекайтесь, Казимир, – поправив воротник рубашки, полковник заново стал перевязывать шейный платок. – Молодой человек погорячился. В Париже такое на каждом перекрестке.

– Wampir... Potwor...

Тронутый мучениями князя, Торвен аккуратно пододвинул тростью окуляры – прямо ему в руку.

– Дзенькую бардзо! – князь водрузил стекляшки на нос. – Напрасно мне не верите, господа. Вы, гере Торвен, пшепрашем, всю жизнь за столом просидели, перышком чиркали. Но ты-то, Андерс! Ты же видел!.. помнишь...

– Полно, князь! – перебил его Эрстед. – Видели мы с вами много. Но видимость – не есть сущность. Лейтенант, забыл тебе сказать. Ты остаешься в Париже не один. Князь едет со

мной – ему определенно надо развеяться. Зато фрекен Пин-эр командируется тебе в помощь. Надеюсь, ты не против?

Торвен пожевал губами, ища слова. Вот это действительно хук! Дел у нас мало, так еще и бой-девицу сторожить! Какой из него воспитатель юниц? Дочь – дело иное, фрекен Маргарет Торвен сама кого угодно воспитает.

Удружил, полковник...

– Она, правда, возражает. Молча, но категорически. Ничего, я ее уговорю.

Торвен кивнул в ответ. Если Вали-Напролом что-нибудь удумал, не переубедишь. Придется заняться педагогикой. Книжку прикупить, что ли?

– Oui, mon colonel!

– Мсье Торвен... Мсье Торвен, это вы?

От неожиданности Волмонтович чуть не выронил трость. Зануда же отреагировал по-философски:

– Насколько можно судить, действительно я. Как вы себя чувствуете, мсье Шевалье?

Ничего особенного, упырь очнулся.

Второй раунд?

4

– Не знаю... Ранен? Не помню. Сон... очень странный...

Губы двигались с трудом. Не губы – бревна.

– Д'Эрбенвиль? Плохой человек. А что с ним?

Огюсту чудилось – он грузит баржу на Сене. Мешками-словами.

– Хорошо, потом – значит, потом. Жаль, я и в самом деле... Нет, не помню.

Душу сковывало ледяное спокойствие. Не помнит? Вспомнит. Был ранен? Жив, и ладно. Надо сообщить Бригиде... Или не стоит? Зачем ей волноваться? Бедный Шевалье добрался от самой реки в славную компанию к Маржолен, с ним теперь ничего дурного не случится.

– Эрстед? Премьер-министр? Такой седой, мрачный... Почему они смеются, мсье Торвен? Очень рад, мсье Эрстед, давно хотел познакомиться. Нет-нет, я знал какого-то другого Эрстеда – старого, страшного. Он хочет набрать армию ученых и завоевать мир. Да, весь мир, вы не ослышались. Мне о нем говорил Эминент. Вы его тоже знаете? Фон Книгте, очень умный сударь. Меня с ним свел Николя Леон, он может и вас познакомить. А почему мсье Волмон... Вол-мон-то-вич? Можно, просто Волмон? Мсье Волмон, почему вы так на меня смотрите? Нет, есть мне совсем не хочется. И сырого мяса не хочется. А это имеет какое-то значение?

Огюст Шевалье закрыл глаза.

Уснул.

Сцена третья

Виконт д'Алюмен едет в Ниццу

1

Торбен Йене Торвен тронул камень ладонью.

Он думал о сырости – промозглой, ледяной. Чего еще ждать на Болоте? Когда-то здесь хлюпала черная жижа, затягивая неосторожных в бездонные глубины. Сейчас она скрылась под булыжником мостовой, но никуда не исчезла, поджидая своего часа. Болото не покорилося людям – лишь затаилось на время, готово в любой миг поглотить тех, кто посмел нарушить его покой. Каким же быть камню на Болоте, обернувшимся парижским районом Маре? Камню, уложенному в безукоризненно ровную кладку за восемь веков до того, как маленький Торбен появился на свет?

Завидуй, Эльсинор! Не ты – патриарх!

Камень оказался до обидного сухим – и пыльным. Ладонь испачкалась, Зануда достал носовой платок. Древность утратила очарование. Камни, кладка – ерунда...

– Впечатляет?

Высокий господин дернул себя за огромные, черные как смоль бакенбарды; снисходительно улыбнулся, сделав вид, что тоже желает потрогать камень. Холеный палец покружил над серостью, будто коршун – над добычей, сверкнул наманикюренным ногтем и улетел восвояси.

– Уникальный памятник! Все, что осталось от стены короля Филиппа-Августа. Когда-то она окружала весь Париж. 1190 год, представляете? Городской архитектор, подлец, хотел здесь все перестроить. Еле отстояли.

Зануда бросил взгляд вдоль шумной улицы. Жаль допотопную слякоть, но, если подумать, и впрямь впечатляет. Дома, фиакры, кафе, скобяная лавка. И обломок древней стены, словно тысячелетний дуб в центре юной поросли.

– Сейчас мы с архитектором спорим по поводу улицы Безглавой Женщины. Это дальше, на острове Сен-Луи. Наши умники нашли в архиве документ, что статуя с отбитой головой – не женщина, а Святой Николя. Какая разница? Название – это дыхание истории, частица Франции!

Господину с бакенбардами было не впервой произносить речи. Глубокий голос, резкий жест, горящий взгляд. Жаль, слушатель ему попался не из благодарных.

– Дальше – особняк де Майен. Вы должны его обязательно осмотреть, хотя бы снаружи. Построен в 1613 году...

Торвен вздохнул. Чем можно отвлечь энтузиаста, ссадить с любимого конька? Только тем, что ему еще милее.

– Знаете, я вашу книгу дочери подарил. «История цивилизации во Франции». Два тома она уже осилила.

Бакенбарды зашевелились, сверкнули темные глаза.

– Очень, очень приятно! Сколько вашей дочери? Двенадцать? Я, конечно, польщен, однако не рано ли? Есть хорошие детские книги...

«Где они, хорошие? Особенно в Дании? Разве что Ханс Христиан сподобится, напишет про очередного Тролля-Потрошителя».

– Это был единственный способ отвлечь ее от курса физики, господин Гизо. Как только Маргарет научилась бегать, она сбежала в лабораторию к Эрстеду-старшему.

– Эрстеду?

Господин с бакенбардами нахмурился, принял позу.

– Еще раз хочу заверить вас, мсье Торвен, что мы, истинные либералы прекрасной Франции, глубоко сочувствуем вашему – нашему! – другу Андерсу Сандэ Эрстеду. Мы знаем его, как подлинного конституционалиста, борца за парламентскую Данию. Но увы! Все, что мы можем сейчас сделать – это дать совет. Пусть уезжает. Немедленно! И он, и бедняга Шевалье. У полиции – приказ, розыск начат, приметы разосланы. Мы сдерживаем их рвение по мере сил; я планирую сходить к префекту, дать... э-э-э-э... Ну, вы сами знаете, что дают в таких случаях.

– Деньги? – предположил Зануда.

Бакенбарды увяли.

– Берут! Представляют? – берут, и еще как! Не напасешься... Но, боюсь, дела плохи. Мои коллеги твердят про иезуитов, про козни Ватикана. Нет! Враги здесь, в Париже. И Тьер... О-о-о, этот Тьер! Он – первый среди них. Они готовят переворот, мостят путь черной реакции. Вы не представляете, что будет, если Тьер станет премьером!.. Это – гибель, это – агония свободы!

Зануда понимающе кивнул (о, этот страшный Тьер! О-о-о!) и внезапно понял, что скучает по абсолютной монархии. Хуже – по тирании, произволу, беззаконию и полному отсутствию прав человека. «Отставной лейтенант Торвен! На плаху! Церемониальным! С песней! Шаго-о-ом!» С удовольствием, ваше величество.

Только бы не в парламент!

– К префекту хорошо бы сходить сегодня, господин Гизо. Прямо сейчас. Выразить искренний либеральный протест...

Шевельнулись баки, пытаясь возразить.

Не успели.

– А заодно сообщить душителям свободы: слухи о том, что карбонарий Эрстед готовится бежать из Парижа на воздушном шаре, лишены всяких оснований. Это ложь и провокация. Так и передайте.

– Хм-м...

Столп либерализма погрузился в глубокое раздумье.

– Если эту новость, – Зануда был начеку, – не сообщите вы, префект узнает о шаре от кого-то другого. А потом спросит: «Господин Гизо! Отчего же вы не захотели сказать правду? Это знаете ли, сокрытие важной розыскной информации!»

Он хотел добавить про свежесмазанную гильотину, но решил не усугублять.

– Я... Я попытаюсь. А что, такие слухи действительно ходят?

– Летают! – отрезал Торвен. – Как шарльеры в ясный полдень. Читайте свободную прессу, в ней все написано... Кстати, господин Гизо, вот тот шпик в темном плаще – он за вами? Нет, лучше не оглядывайтесь. В переулок, скорее!..

Он проводил взглядом резво убегающего либерала.

– Фрекен Пин-эр! Хватит прятаться, выходите.

Случись здесь кто-либо из бесстрашных борцов с мистикой и пиетизмом, которыми кишмя кишела французская столица, он был бы изрядно смущен. В нарушение всех физических законов фрекен Пин-эр не вышла, не выскочила, даже не просочилась – просто отделилась от серой стены ближайшего дома. Шагнула ближе, отряхнула пыль с халата.

Короткий поклон.

– Фрекен! – наставительно заметил Зануда. – Поелику Судьба в облике полковника Эрстеда распорядилась именно так, а не иначе, покоритесь ей. Вы остаетесь в Париже в моем ведении. Разговор вы, думаю, слышали.

Девушка не шелохнулась.

– Прекрасно. Думаю, гере Гизо уже бежит в префектуру. Фиакр не возьмет – скуповат. А гере префекту наверняка успели доложить о статье в утренней «Шаривари». Некто, ставящий вместо подписи три звезды, напечатал фельетон о чрезвычайном происшествии в городе

Копенгагене, случившемся некоторое время назад. Слыхали? Шарльер, управляемый, как сказано в фельетоне, «мсье Э.» таранил ратушу, причинив городу немалый ущерб...

Губы Пин-эр дрогнули. Кажется, это обозначало улыбку. Зануда тайком вздохнул с облегчением: он не был уверен, что «собака» так легко расстанется с «хозяином» – пускай на время и по приказу самого «хозяина».

– Уверен, слово «шарльер» префект уже выучил.

С бере Три Звезды повидаться не удалось, ограничились письмами. Торвен переслал мсье Дюма перевод статьи Андерсена – о случае в датской столице. Дюма все понял правильно и написал фельетон, добавив обширные рассуждения о великом будущем авиации. Свой труд он назвал «Надежды и кошмары воздушного океана».

– Остается закруглить дело. Вскоре меня могут попытаться прикончить, так что ваше внимание, фрекен, будет неоценимо.

Вновь поклон – девушка сэкономила не только слова, но и жесты. Зануда восхитился. Вот это воспитание! Ее сверстницы, что в Дании, что во Франции, уже задали бы дюжину вопросов, сами бы на них ответили – и принялись бы себе же возражать. Он задрал голову, глянул в белесое летнее небо и на миг представил, что он не датчанин, а китаец. Какой-нибудь Ен Торвин, чиновник 1-го ранга. Халат в фениксах, желтая шапка с шариком наверху, должностной пояс. Почет, порядок, благоденствие. И никаких тебе парламентов с демократиями и прочих нарушений мировой гармонии.

Сиди лицом к югу, суди по кодексу – и стихи пописывай.

Когда он вынырнул из грез, Пин-эр уже исчезла.

2

Тихо звенели колокольчики. За окном палаты белели июльские облака. Странное, хрустальное спокойствие отгораживало Шевалье от тревог и забот, не пускало их к корням души. Мир велик, в нем хватит места для бед и радостей, для Жизни и Смерти...

– Нет, у меня ничего не болит. Спасибо. Нет, не надо. Не хочу. Нет, ничего подписывать не стану. Нет. Нет. Нет...

Мир суетился вокруг, говорил на разные голоса, спрашивал, волновался. Мир даже гневался. Порой это было смешно. Особенно повеселил врач – он долго уговаривал Огюста завещать свое воскресшее тело для блага науки.

– Послужите прогрессу, государь мой! Умоляю вас!

Жрец медицины не возражал бы отправить редкий экземпляр в прозекторскую, не откладывая в долгий ящик. Шевалье нашел в себе силы отшутиться – и забыл про нахала. Как и про инспектора с протоколом о прекращении следствия «ввиду наличия отсутствия трупа, равно как явных признаков ранения». С другими посетителями было сложнее. Волновался Тьер, сердился Николя Леон, хмурился суровый датчанин Торвен.

Баронесса не пришла.

Вначале это не слишком огорчало, но к вечеру накатил тоска. Ее мутные волны подмывали истончавший лед спокойствия. Шевалье честно пытался думать об ином. О Сен-Симоне, о товарищах из Общества. Об Эваристе Галуа. Многое из того, что еще недавно казалось ему необыкновенно важным, потускнело, уплыло вдаль. Борьба за светлое будущее виделась мышиною возней у подножия чана с булькающей жижей. Зачем суетиться? Грядущее все равно настанет. И – бултых в котел, как обещают граждане кюре в воскресных проповедях. Может, надо как-то иначе? Хорошо бы расспросить Андерса Эрстеда (*этого*, не седого премьер-министра!), чего добивается он...

В минуты сна он видел далеко, у горизонта, золотистое сияние. Неужели там расположен Град Грядущего? Не Париж из серебристого *алюминизма*, не жуткое болото, а настоящий, чудесный Париж, которого Огюст даже не в силах представить?

Золотая дымка гнала тревогу.

Двое в черных, до земли, плащах неслышно крались вдоль забора. Шляпы на нос, спины сгорблены, из-под ткани торчат зловещие орудия – шпаги? Кинжалы? Шаг, еще один. Остановились, переглянулись, прислушались...

Продолжили путь.

Торвен едва сдержался, дабы не протереть глаза. Зрение, конечно, пошаливает, но такое ни с чем не спутаешь. Парочка оперных персонажей, заблудившись, вместо «Comédie-Française» явились к лечебнице Кошен. Сейчас остановятся, выйдут на авансцену, споют дуэтом...

Остановились. Петь не стали, ограничились шепотом. Тот, что повыше, указал на больничные окна. Другой – узкоплечий коротышка – приложил палец к губам, с недоверием помотал головой.

Из темноты соткалась Пин-эр, вопросительно тронула за плечо. Двое – пустяки. Не пора ли свежевать, гере Бумажный Червь? Зануда в просьбе отказал. Не будем кровожадными. Ну, в плащах, ну, гуляют. Не критично.

Вдруг и в самом деле – споют?

Плащи пошутукались, осмотрелись. Приблизились к стене лечебницы, уставились вверх – туда, где темнели окна палаты с беднягой – везунчиком! – Шевалье. Торвен взялся за рукоять пистолета; поразмыслив, убрал руку. Не понадобится! Узкоплечий казался знакомым. Не то чтобы близким...

Застегнув сюртук, он жестом отослал Пин-эр обратно во тьму, поудобнее перехватил трость. Шагнул вперед, больше не скрываясь.

– Добрый вечер! Господин Галуа, если не ошибаюсь?

Как и ожидалось, в первый миг руки несостоявшихся теноров нырнули под плащи. Но смертоносные кинжалы не рассекли летнюю ночь. Вместо этого раздалось удивленное:

– Да-а-а... А вы... Мсье Торвен?

Юный художник Альфред Галуа не без смущения снял широкополую шляпу – то ли из вежливости, то ли желал выбросить.

– Молодые люди! – сурово начал Зануда. – А известно ли вам, что такие прогулки опасны? Первый же полицейский потащит вас в участок – и будет прав. Кстати, вы можете снять маску.

Реплика предназначалась второму, оставшемуся в шляпе.

– Это не маска, синьор! – с обидой прозвучало в ответ. – Это, между прочим, бинты. Я пострадал во время научного опыта во благо человечества!

Зануда всмотрелся: действительно бинты. Толстым слоем, один нос торчит. Если сложить все вместе, получится итальянец («синьор!»), наверняка студент и, само собой, карбонарий.

– У Асканио колба взорвалась, – подтвердил Галуа-младший. – Вроде не должна была, мы все проверили... Мсье Торвен, мы понимаем, что выглядим... э-э... странно...

– Но Огюста надо спасти! – петушиным фальцетом подхватил Асканио. – Мamma mia, если его сегодня же не спасти... Его арестуют, закуют в кандалы, отправят в замок Иф!

Торвен вздохнул. Как говаривал полковник Вали-Напролом: «Самое страшное, юнкер, если у тебя в роте заведется герой». А тут не один герой – целых два. В шляпах.

И как с этим явлением прикажете бороться?

– До утра не арестуют. А утром вашего друга в больнице уже не будет. В скором времени он и с Парижем распрощается. Парни, предупреждаю: если вы сейчас увидите китаянку

в халате – это не призрак, а мадемуазель Пин-эр. Добрый совет: никаких резких движений! А уж влюбиться – упаси вас Бог...

Прощались у главного входа.

Молодые люди хотели лично убедиться, что возле ворот не дежурит полицейский караул. Удостоверившись, они, однако, решительно заявили, что намерены бороться за правое дело, умирать, сражаться, истекать кровью и гнить за ржавыми решетками. Зануда хотел уточнить последовательность, но не успел. Ночную тишину нарушил перестук копыт. Из мрака соткалась Пин-эр, ухватила его за рукав; Торвен толкнул в спину итальянца, пострадавшего во благо человечества...

Альфред оказался проворней, отскочив от предателя-фонаря.

Карета – большая, с резными гербами над дверцами. Не полицейская – люди префекта выбирают транспорт поскромнее. Соскочив с запяток, лакей отворил дверцу, опустил ступеньку-лесенку. Синьор Асканио хотел присвистнуть, но вовремя зажал рот ладонью. Его приятьель рот, напротив, раскрыл.

...В черном платье, в черной шляпке, под густой вуалью. Голова гордо поднята, в маленькой твердой руке – стек. Вышла, не оглянувшись, по сторонам не посмотрела – шагнула к больничному крыльцу.

Королева!

– Я ее знаю! – растерянно прошептал Галуа-младший. – Это!.. Она!..

Уточнять Торвен не стал – успеется.

– Amore, oh, amore! – томно вздохнул итальянец.

3

– Мсье Дювалье! А это не опасно?

– Ну разумеется, опасно, мадам!

Воздухоплаватель мужественно усмехнулся, подкрутив пышные усы. Жест всегда производил впечатление на экзальтированных дамочек. Со своей ролью Дювалье давно свыкся: хочешь зарабатывать деньги на полетах – подай себя публике на золотом блюде.

Главное – не переусердствовать.

– Но, если соблюдать необходимые меры предосторожности, риск минимален. В первую очередь следует остерегаться открытого огня. Сударь! Да-да, вы! Я бы попросил вас не курить рядом с шарльером. Оболочка наполнена водородом, а сей газ чрезвычайно взрывоопасен. Вы же не хотите погубить себя, а заодно и десятка три благородных парижан?

Тщедушный зевака в ужасе шарахнулся прочь и, отбежав шагов на двадцать, принялся отчаянно гасить трубку. Трубка сопротивлялась, извергая клубы дыма, подобно работающей паровой машине. «Странное дело, – подумал воздухоплаватель, сам заядлый курильщик. – Стоит, увлекшись беседой, забыть о трубке на пару минут, как она гаснет. А когда нужно ее поскорее затушить – поди, попробуй! Стоит поразмыслить об этом на досуге. Вдруг здесь скрыта некая закономерность?»

Ко всем прочим достоинствам, Анри Дювалье обладал философским складом ума. Что несколько не мешало ему регулярно ввязываться в истории.

– Спешу сообщить, дамы и господа, что я отдал воздухоплаванию восемь лет жизни. Послужной список – две сотни полетов на всех типах воздушных шаров: шарльерах, монгольфьерах и даже на розьерах. Последние не порекомендую и врагу! Но, как видите, я до сих пор цел и невредим.

– Ах, мсье Дювалье! Вы наш герой! Браво, маэстро!

Пышногрудая мадам в эйфорическом возбуждении сорвала со шляпки цветок гиацинта и бросила его воздухоплавателю. Дювалье с ловкостью жонглера – карьеру он и впрямь начинал в цирке – поймал цветок, вставил в петлицу алого, расшитого золотыми галунами мундира и поклонился.

– Благодарю вас. Но, право, вы переоцениваете мои скромные заслуги.

Ответом ему был томный вздох и взгляд из-под кокетливо приподнятой вуалетки, столь красноречивый, что Дювалье с предельной отчетливостью представил, как он проведет сегодняшней вечер и большую часть ночи. Что ж, мадам – женщина в соку. А Женестьева с детьми уехала погостить к родственникам в Марсель.

– Простите, мсье! Как вы намерены регулировать высоту подъема? У вашего шарльера имеется соответствующий клапан?

Господин, задавший вопрос, напоминал сверчка во фраке. Седую голову венчал цилиндр из шелка. «Сверчок» щурил левый глаз, укрытый за стеклом поблескивающего на солнце монокля, будто целился в собеседника.

Знатоков Дювалье обожал. Особенно тех, кто желал уличить маэстро в небрежении жизнями пассажиров. Он всегда представлял лицо кого-то из подобных типов, когда брал уроки французского бокса в студии Мишеля Кассо на улице Бюффо.

– Какой клапан вы имеете в виду, мсье? Верхний или нижний?

Встречный вопрос обычно ставил самозванных умников в тупик. Но сегодня Дювалье попался крепкий орешек.

– Разумеется, верхний! – сварливо заявил сверчок. – Нижняя трубка шарльера не имеет клапана!

– Вы ошибаетесь, мсье. Я внес изменения в конструкцию профессора Шарля. В частности, мною разработан новый состав для пропитки оболочки, а также дополнительный клапан, препятствующий случайному вытеканию водорода из нижней трубки.

Мгновение «сверчок» переваривал полученную информацию. Затем он внезапно просиял, сорвал цилиндр и подбросил его в воздух.

– Мои поздравления, мсье! Я уж и не чаял... Все-таки Александр Шарль был гением! Понадобилось полвека, чтобы кто-то сумел усовершенствовать...

За спиной Анри Дювалье, удерживаемый канатами, рвался в небо полосатый шарльер, похожий на гигантский арбуз. Веревоочная сетка, оплетающая шар, прицепленная снизу гондола, мешки с балластом, укрепленные по бортам, – все и впрямь оставалось таким же, как сорок девять лет назад. Здесь, на Марсовом поле, 27 августа 1783 года, профессор Жак Александр Сезар Шарль совершил первый запуск наполненного водородом шара, который был назван его именем.

Наверное, тогда народу собралось больше. Но и сейчас толпа образовалась внушительная. Прогулочные полеты над Парижем до сих пор привлекали внимание публики. Смельчакам, желающим взмыть в поднебесье, даже приходилось записываться в очередь.

Шар готовился к отлету. Помощник, забравшись в гондолу, колдовал над впускным клапаном, отсоединяя шланги, ведущие к емкостям с кислотой и железными опилками. Состав в емкостях отличался от обычного, благодаря чему шар наполнялся водородом заметно быстрее. А фильтры, установленные в подводящих трубках, поглотили большую часть паров воды, не дав им сконденсироваться на стенках шара и увеличить вес шарльера.

Скажем честно – все эти полезные новшества, в отличие от дополнительного клапана, были делом рук не маэстро Дювалье, а одного из его сегодняшних пассажиров. Пассажир, датчанин по фамилии Торвен, явился к воздухоплавателю в компании подозрительной личности с физиономией, забинтованной как у мумии в Лувре. Из-под бинтов торчали рыжие вихры, любопытный нос, да еще блеснул один глаз.

Глаз часто-часто моргал.

Мумия была представлена, как химик Асканио Собреро. Не тратя времени даром, мсье Собреро бесцеремонно прошествовал в лабораторию, где приступил к демонстрации. Вопреки ожиданиям воздухоплавателя, опыт не закончился жутким взрывом. Увидев же фильтры, Дювалье изумился: как он сам до этого не додумался?! Щедрая плата плюс новшества привели его в наилучшее расположение духа. Он чуял, что дело нечисто, и рядовой полет явственно отдает авантюрой, однако отнесся к предчувствиям философски.

В конце концов, что может быть лучше доброй авантюры?

Сейчас пассажиры – мсье Торвен и его молчаливый спутник, отрекомендованный как герр Эрстед, приватный юрист – стояли рядом с гондолой, ожидая. Толпа галдела, погода радовала солнцем; в воздухе – ни ветерка. Все шло наилучшим образом!

Именно это и беспокоило Анри Дювалье.

Чутье его не подвело. В броуновском движении толпы наметилась организованная струя, настойчиво стремясь от периферии к центру. Группа людей прокладывала дорогу, как фрегат северных экспедиций, идущий через ледяное крошево. Осознавая важность миссии, все были преисполнены чувства служебного долга. Возглавлял их краснолицый инспектор – он поминутно вытирал платком взмокший лоб. Следом, будто на привязи, двигались шесть казенных близнецов: темные сюртуки застегнуты наглухо, в руках – дубинки со свинцовыми набалдашниками.

Полицейские агенты.

Замыкала процессию четверка солдат под предводительством бравого капрала. Капрал окинул взглядом диспозицию, узрел маэстро, надменно подкрутил усы – и остался недоволен: по усам Дювалье явно выигрывал.

– Инспектор Люшен, – выпалил краснолицый, не дав себе труда перевести дух. – Первое отделение полицейской префектуры Парижа. Я отменяю полет! Где ваши пассажиры?

Толпу всколыхнул ропот недовольства.

– Вот они, господин инспектор. Но в чем дело? Извольте объясниться!

– Охотно! Мадам и месье! – Люшен театрально обернулся к публике, воздев над головой руки. Инспектор жаждал славы и не упускал случая покрасоваться. – Вы являетесь свидетелями задержания опасных преступников! Полиция располагает...

– Это опять вы?!

Вопль, прозвучав со стороны шарльера, прервал оратора на полуслове.

– Господа! – продолжил буяннить пассажир Торвен. Он опирался на трость с таким видом, будто вот-вот упадет в обморок. – Я знаю этого человека! На днях он отказался составлять протокол, когда я заявил ему о разбойном нападении, имевшем место в Булонском лесу! Он назвал разбой – дуэлью! А теперь вздумал арестовать меня, чтобы дело не получило огласку! Это провокация! Произвол! Я заявляю решительный протест!

Толпа откликнулась ревом: полицию любили все.

– Он покрывает настоящих преступников! Он у них на содержании, господа!

– Да как вы смеете?! – задохнулся Люшен. – Обвинять?! Меня?! Вы – злоумышленник, мсье Торвен! Вы и ваш сообщник, мсье Эрстед! Вы оба – шпионы! Арестовать их!

Солдаты с капралом двинулись к шарльеру.

– Вы иметь доказательства?

Спутник Торвена задал вопрос очень тихо, но его услышали в задних рядах толпы.

– Иметь! – передразнил его инспектор. – Вы только что пытались тайно покинуть Францию по воздуху, имея при себе секретные военные документы.

– Тайно? При колоссальном стечении народа? Вы есть шутник, инспектор!

Парижане, ценящие острое словцо, засмеялись. Люшен из красного стал багровым. Казалось, его сейчас хватит удар.

– Мы не собирались покидать Францию! – вмешался Дювалье. – Мы планировали совершить прогулочный полет над Парижем. На привязи! Обратите внимание на этот канат. Он должен удерживать шарльер на протяжении всего полета. После чего я намеревался выпустить часть водорода через верхний клапан, а мои помощники за канат притянули бы спускающийся шар к земле.

Солдаты и капрал замедлили шаг. На их затылках отросли уши, длинные и чуткие. Вояки ждали, что скажет инспектор.

– Не морочьте мне голову! Обрезать канат – секундное дело. И – adieu, Франция! Повторяю: у ваших пассажиров – бумаги военного министерства. Государственная тайна!

– Вы говорить ложь, – спутник Торвена поправил на носу золотое пенсне. – Мы не имеем секретных бумаг. Я есть иностранный подданный. Я требую встречи с моим послом. Это есть незаконно.

– Конечно, вы иностранец! Андерс Сандэ Эрстед, датский шпион!

– Вы лепетать ахинею. Я есть Генрих фон Эрстед, подданный его величества Фридриха Вильгельма Прусского! Я – компаньон юридической фирмы «Эрстед и фон Эрстед». Я представляю фирму в Париж три года! Имею официальный патент на сей счет! Я не собираюсь лететь никакой другой страной...

– Это мы еще выясним! – уверенности в голосе инспектора поубавилось. – Что у вас в саквояже?

– Документы моей фирмы.

– И вы решили прихватить их на прогулку? Капрал, общитесь с ним!

Солдаты придвинулись к фон Эрстеду, оттеснив Торвена в сторону. Из-за их спин неслось шипение пруссака:

– Не с-с-меть! Руки проч-ш-шь! Я з-з-знаю з-з-законы!

– Давай, законник, – миролюбиво предложил капрал. – Сам покажи, а?

– Вы хотите видеть? Вот, с-с-смотреть!

Лицо фон Эрстеда пошло пятнами. Он судорожно дернул защелку, распахнул саквояж и взмахнул им над головой. Из кожаного нутра выпорхнул целый рой бумаг, ударив прямо в лицо капралу. Порыв ветра, явившегося как по заказу, подхватил документы, щедро швырнул их в толпу.

– С-с-смотреть! Да!

Один из солдат изловчился, поймал листок и тупо уставился на аккуратные завитушки букв: парень попался неграмотный. Подскочив, Люшен выхватил у дурака бумагу.

– Доверенность, – вслух прочел он, – выдана Джеймсом Ротшильдом, банкиром...

– А тут купчая! – весело крикнули из толпы.

– Письмо от секретаря Королевского научного общества!..

– Закладная! На имя префекта полиции!

– У меня завещание!..

– Письмо министра финансов...

– Господа, прошу вас! Верните бумаги моему пассажиру!..

Инспектор Люшен, сгорбившись, двинулся прочь. Эхо грозных имен банкиров и министров преследовало его по пятам. Агенты следовали за начальником, как цыплята за курицей. Капрал с солдатами задержались – бормоча извинения, они помогали юристу собрать бумаги.

– Мы летим, мсье Дювалье? – поинтересовался Торбен Йене Торвен.

И улыбнулся.

4

– Так, значит, груза нет? – спросил старший таможенник.

– Пустой иду, синьор, – в который раз повторил капитан. Он говорил по-французски с сильным акцентом, втрое быстрее таможенника, и жестикнул так, будто отгонял рой комаров. – Да вы же весь трюм обыскали! Улитке не спрятаться...

– Мало ли? Закон есть закон. А за уклонение...

– Я – честный моряк, синьор! Контрабандой не промышляю!

– Все вы честные...

– Мамой клянусь...

– Клятву к делу не пришьешь, – намекнул таможенник.

И выразительно прищелкнул пальцами, словно подзывая извозчика.

Джузеппе Гарибальди, капитан готовящейся к отплытию шхуны «Клоринда», знал много языков. А смысл таких, воистину международных жестов был для него понятней родного итальянского. Даже не подумав вздохнуть или вслух посетовать на жадность властей, он полез в кошелек.

Второй таможенник ухмыльнулся, обнажив желтые, кривые зубы, и изо всех сил хлопнул по мачте – как гвоздь забил. Таким образом он выразил свое удовлетворение происходящим.

– Пассажиры? – осведомился старший, получив мзду.

Чувствовалось, что вопрос он задает для порядка.

– Виконт д'Алюмен, – не стал отпираться капитан Гарибальди. – С друзьями. Один – польский князь, другой – парижанин, с улицы Сен-Жермен. Желают совершить речную прогулку. В судовом журнале все записано, синьор...

– Ладно, счастливой дороги.

Связываться с дворянами таможня не пожелала.

Спустя полтора часа «Клоринда» двинулась вниз по Сене. Погода стояла замечательная, ветер удался попутный, и с палубы можно было видеть, как вдали, со стороны Марсова поля, в небо поднимается воздушный шар, похожий на мыльный пузырь.

– Я всегда верил в Торвена, – сказал Андерс Эрстед, любуясь шаром.

– И были правы, виконт, – согласился князь Волмонтович. – Пан Торвен подобрал для нас чудесную шхуну с пройдохой-капитаном. Я одобряю его выбор. Выйдем в Ла-Манш, оттуда две недели до Кадиса, еще неделя – до Гибралтара... Четыре-пять дней сверх того, и мы в Ницце.

Плыть в Северную Италию – это была идея Эрстеда. В Ницце полковника ждал Сальваторе даль Негро, изобретатель электродвижущей машины. Он заверял в письме, что никуда не уедет до начала осени. Туда же, под видом поездки на модный курорт, обещал явиться и Мориц Якоби, третий год бьющийся над «магнитным аппаратом». Примирив соперников, Эрстед рассчитывал уговорить их на активное сотрудничество, тем самым ускорив создание полноценного электродвигателя.

Как секретарь Общества по распространению естествознания, созданного его старшим братом восемь лет назад, он просто обязан был сделать это.

Вспомнив, что покойный Галуа завещал показать его бумаги Гауссу или Якоби, Шевалье с радостью составил полковнику компанию. Бедняга-математик имел в виду не Морица Якоби, а его младшего брата Карла, автора «Новых оснований эллиптических функций», но лучшего способа доставить бумаги адресату не предвиделось.

Что же до капитана Гарибальди, то он родился в Ницце.

– Не сглазьте, князь. Не надо испытывать фортуны.

– Я не глазлив, виконт. Виконт д'Алюмен! – хороший я вам придумал псевдоним?

– Неплохой. А вы что скажете, мсье Шевалье?

Огюст промолчал.

Сцена четвертая

И предуготовил Господь большую рыбу...

1

– Это все сволочные попы! – с убеждением сказал Гарибальди.

Огюст устался на тучку, скромно маячившую по носу шхуны, над скалами мыса Лизард. Возможно, она и впрямь означала шторм. Или какую-то иную, чисто английскую каверзу погоды, способную доставить «Клоринде» часок-другой неприятностей. Огюст мало что смыслил в штормах. Но причастность «сволочных попов» к явлению туч на небосклоне полагал скорее фигурой речи, чем реальным фактом.

Капитан Джузеппе Гарибальди думал иначе.

«Сволочные попы» в его монологах встречались чаще, чем «тысяча чертей» в проклятиях кавалериста. Доставалось муллам и раввинам, но меньше. К служителям церкви капитан относился с трогательной, взлелеянной годами ненавистью. Потомственный моряк, в детстве он разрывался между отцом и матерью – верней, между двумя видами на судьбу малыша Пеппино. Отец, Доменико Гарибальди, занимался каботажными перевозками на тартане «Santa Reparata» и мечтал, что сын сменит его у штурвала. Мать, донна Роза, женщина строгая и не чуждая религиозным порывам, морских восторгов мужа не разделяла. Она желала, чтобы ее дитя кратчайшим путем отправилось к Богу.

Нет-нет, оставьте дурные мысли! – речь шла о поступлении в духовную семинарию и дальнейшей карьере священника.

В итоге бескровного, но по-своему грандиозного сражения за душу Пеппино учителями ребенка стали двое – аббат Джаконе и отставной офицер Арена. Словно ангел и бес, они расселись на левом и правом плечах ученика, толкуя о разном. Внешне все выглядело безобидно: синьор Арена взял на себя грамоту, историю и математику, аббат – нравственность и духовность. Не выдержав закулисной борьбы, дитя уподобилось младенцу-Гераклу и задушило двух змей разом. Сперва Гарибальди-сын оставил учителей с носом, на радость матери отправившись в школу, потом бросил школу, не доведя образование до конца, и в пятнадцать лет (на радость отцу!) ушел в Одессу юнгой на бригантине «Констанца».

Вернувшись, он покинул бригантину и отправился в Рим на отцовской тартане. Дальше – потерял счет кораблям и маршрутам. Но часто, где бы ни был, участь навигации и бороздя моря, вспоминал офицера Арену с его математикой. Аббат Джаконе тоже незримо присутствовал бок-о-бок с Гарибальди – юнгой, матросом, старшим помощником и, наконец, капитаном шхуны «Клоринда» – в качестве вездесущих, всемогущих и злокозненных «сволочных попов».

– Я вам точно говорю, синьор Огюст! Всякий поп – чертов lo stronzo!⁸ Можете откусить мне голову, если холера Карлито – не их грязных рук дело... А что? Причастили, и хлоп – из человека льет, как из дырявого бурдюка! А «Клоринда», моя легкокрылая фемина, вынуждена бежать из Парижа, завернув юбку, словно распоследняя путана...

Туча, как выяснилось, была ни при чем. Козни отцов церкви выглядели куда изящнее простой непогоды. Чтобы досадить капитану, попы, благословясь, заразили холерой боцмана Карло Брузони. Бедняга лишился чувств в кабачке «Мышеловка», где он просаживал жалованье – присел в нужнике по срочной надобности, опростался и не встал. Добрые самаритяне вынесли боцмана наружу и, морща носы, доставили в Отель-Дье – больницу для бедняков.

⁸ Засранец (итал.).

К счастью – если здесь можно говорить о каком-то счастье! – Гарибальди, вихрем примчавшись в больницу, опознал рвоту и понос больного куда быстрее, чем врачи, побрезговавшие осмотром пьяницы-моряка. В Марселе, между рейсами, он добровольцем трудился в местном госпитале, ухаживая за холерниками, и в вынесении диагноза, нанюхавшись жидкого дерма, мог дать фору орде профессоров.

Ждать, пока медики назовут хворь по имени, он не стал. Уж чего-чего, а жизненного опыта, несмотря на молодость, у капитана хватало. Холерное судно поставили бы в долгий карантин, а то и вовсе сожгли бы во избежание эпидемии. Страшная болезнь прошлась по Европе, будто коса Смерти, сойдя на нет в прошлом году, а значит, парижские власти не стали бы церемониться с подозрительными сардинцами.

Надо было спешить.

– И теперь, синьор Огюст, мы вынуждены идти на юг через север! О, злая Фортуна! Мои друзья в Одессе, когда мы пили вино близ Воронец-палаццо, смеялись: «Бешеной собаке сто верст не крюк!» Верста, мой драгоценный синьор, это такая русская миля...

Вначале, до известия о болезни толстяка Карлито, Джузеппе Гарибальди не сомневался в намеченном маршруте. Вверх по Сене, через систему каналов перебираемся в полноводную Рону, делаем краткую стоянку в Марселе – и вот оно, родное, исхоженное вдоль и поперек Средиземное море! Но путь через всю Францию, в особенности – предсказуемый путь, теперь грозил карантинном: не в Париже, так в Лионе.

Зараза могла догнать шхуну по берегу, размахивая предписанием задержать «Клоринду» до выяснения обстоятельств.

– Мы бы дрались, синьор Огюст! О да, мы бы не посрамили чести истинных корсаров! В сравнении с вами я – щенок, не нюхавший пороха баррикад... Но и в моих жилах течет горячая кровь! Спина к спине у мачты, с саблями в руках, мы отражали бы натиск врагов. А виконт с князем разили бы их из пистолетов. Но, увы, моя фемина – не военный фрегат. Велика ли доблесть погибнуть, если о нас не сложат песен? Кому хочется уйти на тот свет в качестве разносчика холеры?

– Никому, – согласился Огюст.

Темперамент собеседника уже начал его утомлять. Выяснив, что Шевалье сражался на баррикадах, Гарибальди вознес «rivoluzionario» на недостижимую высоту. Они были практически ровесниками – сардинец родился на три года раньше. Но со стороны казалось, что капитан, несмотря на роскошную бороду – новобранец, заглядывающий в рот старому, прошедшему огонь битв капралу.

Вчера он признался, что мечтает убить «морского змея».

Такие гибнут первыми, подумал молодой человек, и осекся. У Гарибальди уже была тысяча поводов отправиться на тот свет. Во всяком случае, сам Огюст рисковал жизнью реже и меньше. Ружья «синяков» против ружей пиратов? Полиция против береговой охраны? Тайна баронессы Вальдек-Эрмоли против буйства штормов?

Еще неизвестно, что перевесит.

– Вы правы, мой великолепный синьор! Надо жить! Мы бросим вызов империи – не здесь, так у берегов Южной Америки! Но вернемся к холере... Как вы считаете, теперь мы вне опасности?

– Абсолютно, синьор Гарибальди. Раз на корабле за это время никто не заболел – нам нечего бояться. Кроме, разумеется, бурь и мелей.

– Джузеппе! Для вас я – Джузеппе, мой храбрый синьор! Друзья в Одессе и Керчи звали меня Осипом. Вы, как француз, можете воспользоваться более привычным для вас Жозефом...

Сейчас «Клоринда» шла в проливе Ла-Манш, рассчитывая к вечеру обогнуть Бретань и выйти в Бискайский залив. По левому борту тянулось побережье Нижней Нормандии – меловые обрывы, утесы и галечные пляжи. Мелькали яблоневые сады и замки, похожие на много-

главцев-драконов, сдуру посвященных в рыцари. На зеленых лугах паслись стада коров: белых с рыжими подпалинами и восхитительных, словно выточенных из красного дерева, красоток ожеронской породы.

Вдали, грозно оседлав гору-остров, высилось аббатство Мон-Сен-Мишель. Крепость, как дуб из желудя, родилась из простой часовни. Вояка-архангел трижды являлся местному епископу, требуя воздвигнуть эту самую часовню – и на третий раз, раздражен медлительностью «сволочного попа», пронзил тому голову «огненным перстом».

Епископ сразу понял, что лень – мать всех грехов, и преисполнился рвения. А Святой Михаил встал на шпиле, дабы лично приглядывать за тружениками. Побаиваясь вышнего гнева, монахи таскали гранит через зыбучие пески. Главной же святыней аббатства стал череп епископа, хранящийся в реликварии.

Дыркой в нем могли любоваться все желающие.

Над ухом пронзительно свистнула боцманская дудка. В отсутствие Брузони, оставшегося на койке Отель-Дье, его обязанности выполнял кто-то из экипажа. Матросы засновали по вантам, подтягивая риф-тали – шхуна меняла курс.

Шевалье сглотнул, восстанавливая слух.

– Вы умеете плавать, синьор Огюст?

– Да. В детстве я часто плавал в Роне.

– Ха! В реке! А в море?

Море Огюст видел дважды, еще мальчишкой. Отец брал их с Мишелем в портовый город Сет. Во второй раз он рискнул – искупался в заливе, убедившись: морская вода и впрямь солона на вкус.

– В море – не очень.

– Отлично!

– Чему вы радуетесь?

– Если вы упадете в воду, я вас спасу! Я – чудесный пловец! Я спас множество утопающих. Прачку, упавшую в яму для вымачивания конопли; затем, в Марселе, – юного Жозефа Рамбо, моего тезку... Да, еще в Смирне – мой друг детства, Клаудио Терезе, считай, уже лежал на дне. Их матери рыдали у меня на груди!

– Благодарю, синьор Джузеппе. Вы не станете возражать, если я уйду в каюту?

– О, нет, синьор Огюст! Я не стану возражать. Я просто умру от горя – терять такого собеседника... Прислать вам вина? У меня есть дивное кьянти...

2

В каюте имелось зеркало.

Мутный кругляш в простой металлической оправе походил на глаз циклопа, пораженный катарактой. Огюст снял его со стены, установил на столе, прислонив к массивному подсвечнику из бронзы. Вгляделся в темное отражение, тронул пальцами щеки, уколовшись о щетину. До капитанской бороды еще далеко...

Но герр Бейтс передает привет, это точно!

Больница, скоропалительные сборы, отплытие – тут было не до бритья. Плавание по Сене вспоминалось как в тумане. После «воскрешения» он плохо соображал. В памяти отложился лишь баритон Волмонтовича – князь вечерами устраивал концерты на баке – и подробный рассказ Гарибальди, почему «Клоринда» не взяла восточнее, к Гавру.

В деловом Гавре – «морских воротах Парижа» – шхуну могла ждать засада. Призвав на помощь опыт контрабандиста, капитан предпочел выйти в море из тишайшего Онфлёра, несмотря на заиливание входа в тамошнюю гавань.

«Хватит нам одного Гарибальди, – подумал Огюст. – Бриться, и срочно!»

Отражение исказилось, словно зеркальный «двойник» взмахнул помазком, покрывая мир пеной. Вот-вот скользнет наискось опасная бритва... На миг почудился желтозубый оскал не к ночи помянутого Бейтса. Но рыжий мерзавец тут же сгинул. Вместо него из глубин зазеркалья выступила женщина – темный силуэт на фоне слепящего прямоугольника окна.

Бриджит?!

Женщина медленно, с томной грацией, обернулась; свет упал на ее лицо. На Огюста смотрела черно-белая маска. Рисунок углем на картоне; тени – резкие, утрированные, без намека на полутона. Губы баронессы тронула мягкая улыбка. Лицо ожило, Бриджит поманила Шевалье рукой, одновременно распахивая окно. Не понимая, что делает, молодой человек подался вперед, желая дотянуться сквозь холод зеркальной поверхности...

Звякнули стекла.

Эхом отозвался смех хрустальных колокольчиков.

В окно, открытое настежь, ворвался снежный вихрь – закрутил, завертел, запорошил глаза. Каюта осталась далеко позади, во мгле бурана. Баронесса исчезла за пляской выюги – проводник, образ, ключик, запускающий Механизм Времени. Двойная спираль, знакомая по прошлым визитам, окружила Огюста, увлекая за собой.

Хрусталь, шелест, шепот:

Кто сквозь годы к нам спешит,
В нашу компанию, к Маржолен?
Это храбрый шевалье –
Гей, гей, от самой реки!

Полет ускорился. Огюста швырнуло вперед – им, как ядром, выстрелили из пушки, пробив насквозь грань Большого Кристалла. Переход от головокружительного полета к полной неподвижности ошеломил. Потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Когда это удалось, Шевалье отважился открыть глаза.

Над головой, сколько хватало зрения, простиралась лазурь небес. Кое-где кисть художника, окунувшись в известку, добавила мазки облаков. В зените, обрамлен дюжиной горластых чаек, висел угольно-черный ромб. Его можно было бы принять за дыру, ведущую во мрак космоса, если бы ромб не перемещался.

«О боже! – подумал атеист Шевалье. – Это же летательный аппарат!»

Ромб вспыхнул радужным сиянием. Огюст зажмурился, ослеплен, а когда вновь открыл глаза – ромб уже почернел, продолжив свой неторопливый путь.

– Что это?!

– Орбитальный накопитель информации.

Небо крутнулось. Совсем рядом возник тускло блестящий бортик. Под ним, не доходя до края на пару дюймов, лениво плескалась буро-зеленая жижа. В футах от Огюста из жижи, лоснясь, торчал отросток толщиной в палец. На конце «пальца» вместо ногтя имелся глаз, живой и любознательный. Расширился зрачок, радужка сменила цвет с серого на карий; явственней обозначились прожилки сосудов...

Паника захлестнула рассудок. Кровь Христова! Он угодил прямоиком в адский лабиринт! Сейчас едкая масса растворит добычу, как желудочный сок – кусок антрекота. А глаз для пушего удовольствия пронаблюдает за процессом пищеварения. Огюст рванулся, сиюсь выбраться из тошнотворной трясины...

Он не чувствовал своего тела!

– Успокойтесь, – мягко сказал глаз. *Чем* он говорил, Огюст не понял. – Вам ничто не угрожает. Вы в полной безопасности. Ваше физическое тело осталось в хроносекторе посто-

янного обитания. Здесь находится только волновая голографическая решетка супергено-континуума вашей личности. Вернее, часть ее темпоральной проекции...

– Вы по-человечески говорить умеете? – страх придал Шевалье здоровой наглости. – По-французски?!

– Извините, – глаз попался вежливый. – Мне казалось, я говорю по-французски. Просто в научной терминологии вашего хроносектора нет подходящих определений. Упрощаем: ваш разум, или, если вы религиозно ориентированы – ваша душа, находится здесь. Частично. А тело – там. Целиком. Так понятнее?

– Да, – Огюст хотел кивнуть, но не сумел.

Ему послышался вздох облегчения. Жижка плеснула, скручиваясь липкими кольцами. Глаз моргнул, затянувшись белесой пленкой, и вновь просветлел.

– Значит, я – призрак? Душа без тела? Почему я тогда не могу двигаться?

– Вы не призрак. Ваша душа, – Шевалье явно попал в разряд «религиозно ориентированных», – временно вошла в коллективную плоть нашей поисковой лаборатории. Вы не можете ею управлять. Нет навыков биологической организации материала. Кроме того, у вас ограниченный доступ к морфо-двигательным функциям.

– Коллективная плоть? Лаборатория? Вот эта жижка?!

– Жижка? Какое у вас оригинальное чувство юмора... Думаю, мы найдем общий язык. Позвольте, я покажу вам со стороны.

Миг – и Огюст воспарил над лабиринтом. С высоты птичьего полета тот походил на громадную лужу рвоты. Казалось, великан Гаргантюа, обожравшись в харчевне, решил проблываться на пляже тропического островка. В ближайшей к морю ячейке из жижи торчали два глаза на стебельках-отростках, словно ниже притаился исполинский краб.

Глаза таращились друг на друга.

– Вы захотели осмотреться. Мы пошли вам навстречу, вырастив периферийный орган зрения.

– Второй глаз – *мой*?!

– Наш общий. Мы его предоставили вам в аренду.

– Почему же я смотрю на него со стороны?!

– Боюсь, мне будет сложно это объяснить. Пространственное смещение точки обзора и фокусировки за счет частичной виртуализации. Самая грубая аналогия, доступная вам: испарение воды, образование пара или облаков – а затем обратная конденсация в жидкое состояние. Сейчас мы с вами – облака, волновые испарения плоти.

У Шевалье возникло подозрение, что его в здешнем аду держат за недоумка. За папуаса, терзающего вопросами профессора физики: отчего паровая машина пыхтит, и можно ли ее кормить травой? Сделалось обидно за свой просвещенный XIX век. Захотелось крикнуть в лицо глазу (знать бы еще, где у него лицо!):

«Прекратите! Я цивилизованный человек!»

Но он промолчал.

«Если это Грядущее, я для них – дикарь. Прав был ангел-лаборант, обижаться не на что. Почему глаз вообще тратит на меня время? Зачем папуас физику? Полы в лаборатории мыть? Или дело обстоит хуже... Зачем папуас – хирургу? Доброму доктору со стальной пилкой?»

Не ощущая тела, Огюст тем не менее легко управлял собственным взглядом. Глаз на стебельке, выданный ему «в аренду», при этом оставался неподвижен. Эфирный Шевалье медленно дрейфовал над ячейками. Время от времени верхушка то одной, то другой из пирамид, окружавших лабиринт, вспыхивала мертвенно-голубым светом, будто стремясь наглядней высветить безумие происходящего.

Лениво шуршал прибор. Языки волн, пенясь слюной, лизали белый коралловый песок. На пригорке философски качали листьями волосатые пальмы. С высоты была видна другая

оконечность острова, имевшего около четырех лье в поперечнике, и восьми – в длину. У берега обнаружились четыре строения без окон, с круглыми крышами-шляпками – точь-в-точь вылезшие из грунта шампиньоны.

Возле крайнего «гриба» загорал, вольготно раскинув руки, голый человек. Не крылатый демон, не морское чудище, не бурая масса с торчащими из нее глазами – человек! На вид – совершенно нормальный и вполне довольный жизнью.

– Для нас форма тела не имеет особого значения, – деликатно сообщил глаз. – Мы меняем ее по своему усмотрению. Выращиваем органы и конечности, крылья и жабры, изменяем внешность и пол; сливаемся воедино для решения общих задач...

– Кто – вы?!

– Люди. Ваши потомки.

Академик Кювье, вспомнил Огюст, был сторонником теории катастрофизма, как повода для резкой смены облика существ. «Жизнь не раз потрясалась на нашей земле страшными событиями, – писал Кювье в „Рассуждении о революциях поверхности земного шара“. – Бесчисленные живые существа становились жертвой катастроф: одни, обитатели суши, были поглощаемы потопами, другие, населявшие недра вод, оказывались на суше; сами их расы навеки исчезали...»

«Люди», – сказал глаз.

Что за Апокалипсис привел к возникновению *новых людей*?!

– А вы? Лично вы? Кто вы такой?

– Я – Переговорщик.

– Дипломат?

– Не совсем. Представьте ситуацию: террористы захватили заложников...

– Террористы? Вы имеете в виду Робеспьера, Кутона и Сен-Жюста?

– Э-э... – глаз замялся, часто-часто моргая. – Нет, я о другом. Хорошо, пусть будут просто бандиты. Они захватили заложников и выдвинули требования. В случае отказа они грозятся убить невинных людей...

– Тоже мне задача! Заплатить выкуп, а когда шайка вернет пленников – послать в погоню отряд жандармов. Изловить мерзавцев, и – на каторгу! При чем тут «переговорщик»?

– Переговорщик – это специально обученный человек, который умеет правильно вести переговоры. Насчет выкупа, и не только.

– Переговоры? С бандитами?! Зачем?!!

– Ну как же! А вдруг выкуп не удастся быстро собрать? Надо убедить бандитов пойти на уступки, продлить срок, чтобы заложники не пострадали. Найти компромисс между позицией властей и требованиями преступников...

– Вы в своем уме? Власти идут на компромисс с бандой? Что за чушь?!

– Преступники могут требовать не денег, а, к примеру, освобождения своих товарищей из тюрьмы. Это уже в компетенции властей. Дело переговорщика – не раздражая преступников, максимально корректно разъяснить позицию другой стороны. Найти точки взаимопонимания, учитывая психологию...

– Взаимопонимание? Психология? Да что у вас тут творится?!

– Извините, – вздохнул глаз, пустив слезу. – Наверное, я не слишком умелый переговорщик. Я плохо объясняю. Вы не подумайте, я не дилетант, у меня есть специальное образование! Жаль, опыта мало. Вы у меня – первый. Если хотите, я передам вас более искушенному коллеге...

– Не надо! – возопил Шевалье.

Он только начал привыкать к вежливому, стеснительному «Переговорщику» – и вдруг нате вам! Еще неизвестно, что за фрукт окажется «более искушенный коллега». Объявится какой-нибудь хамоватый Кулак, который лучше знает, как вести переговоры с бандитами...

«Кровь Христова! Да ведь это он со мной *переговаривается*! Это я – бандит? Террорист? Психология, взаимопонимание... То-то он такой ласковый... – имей молодой человек тело, взмок бы от макушки до пят. – Кого ты у меня хочешь выкупить, глаз? Что предложишь взамен? Деньги? Ох, вряд ли...»

Вдали рассмеялись колокольчики:

...душу он свою принес
В нашу компанию, к Маржолен...

Душу? Договор, подписанный кровью... Бред! Поповские сказки, как сказал бы капитан Гарибальди. У Грядущего интересы покрупнее, чем душа Огюста Шевалье. Что у нас есть в залоге?

Бумаги Эвариста Галуа?!

...вместо ответа на остров упал буран. Скрежеща шестернями, нуждающимися в смазке, метель увлекла Огюста прочь. Сквозь звон мириада комариных стай пробился далекий голос Переговорщика:

- Я не прощаюсь, да?!
- Чтоб я сдох... – ответил Шевалье, сидя перед зеркалом в каюте «Клоринды».

3

День Троицын проходит,
Миронтон, миронтон, миронтень,
День Троицын проходит,
Мальбрука не видать...

Звезды затаили дыхание.

В опере небес сегодня был аншлаг. Кто сверкал лорнетом в партере, кто – бриллиантами в ложах, а самые скромные, безденежные звездочки – белозубой усмешкой на галерке, над побережьем Испании. Нечасто светилам удается насладиться столь дивным баритоном. Куда как чаще с кораблей, плывущих в Бискайском заливе, слышна брань матросов и проклятия боцманов. Бывает, кого-то за нерадивость секут на корме, и тогда благодать летнего вечера нарушается воплями бедняги.

Короче, надо ловить момент.

Мальбрукова супруга,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Мальбрукова супруга
На башню всходит вверх...

Князь Волмонтович взял паузу, набрал полную грудь воздуха – и разразился таким дивным «бархатом», что экипаж «Клоринды», даром что из Италии, где каждый лодочник – премьер-тенор, шепотом выругался от восторга.

Mironton, mironton, miron-taine!..

Ветер заплодировал в парусах. Продувная бестия во время плавания вела себя наилучшим образом, стараясь не мешать концертам. Моряки шептались, что Волмонтович – колдун и песнями накликавает хорошую погоду. Это лишь способствовало популярности князя.

Вода, днем – лазоревая эмаль с редкими вкраплениями травянистой зелени, похожими на лужайки в Булони, к ночи превратилась в уголь. Кое-где белели гривы пенистых гребней. Стайка дельфинов играла в волнах форштевня – они кувыркались, изгибая маслянисто блестящие тела, взлетали в воздух и вновь уходили на глубину, поднимая фонтан брызг.

Со стороны Бильбао, дальним концом упираясь в отроги Кантабрийских гор, был хорошо виден мост радуги-«полуночницы». Команда уверяла, что это в Бискае – обычное дело. Впрочем, никто не знал, к добру знамение или нет, и споры унимал лишь вокал князя.

– Мальбрук? – капитан Гарибальди склонился к уху Шевалье. – Это ваш национальный герой? *Rivoluzionario*, да?

Огюст еле сдержал улыбку.

– Нет, синьор Джузеппе. Герой песни – англичанин.

– Англичанин? О, я понимаю! – борец за свободу, как лорд Байрон... Я знаю, этот доблестный лорд погиб, сражаясь за Грецию! Надо запомнить: Мальбрук...

– Увы, и здесь вы ошиблись. Мальбрук – герцог Мальборо. Мы, французы, как-то за глаза похоронили его перед битвой, и зря – Мальбрук всыпал нам по первое число...

– Жаль, – огорчился капитан, дергая себя за бороду. – Надо же, такая славная *canzone*, и про какого-то герцога...

– Если вас это утешит, синьор Джузеппе, Мальбрук дважды попадал в опалу, лишился всех постов и даже сидел в Тауэре, как государственный изменник.

– О! Это меняет дело...

Капитан погрозил кулаком рулевому: крепче держи штурвал! Бискайский залив недаром прозвали «мешком бурь». Крутой его нрав был хорошо известен мореходам. Штиль здесь – дивная редкость. А бухты? – вход в каждую сулит беду. Скалы, отмели; реки, впадающие в залив, с течением которых не справиться мускулам парусов...

Впору отдать дань суевериям и просить князя петь без умолку.

Вспоминая шторма, пережитые им в Бискае, Джузеппе Гарибальди жалел, что лишен дара живописца. Уж он бы написал истинный шедевр – например, «Девятый вал». Рассвет после бурной ночи, буйство океана, горстка людей цепляется за мачту разбитого корабля...

– Смотрите! По левому борту!

– Что это?

– *Mamma mia!* Кто это?!

Первым к фальшборту, огораживавшему верхнюю палубу, успел князь Волмонтович. Оборвав пение на полуслове, он метнулся вперед, обеими руками вцепился в планшир и сильно наклонился, рискуя свалиться в воду. В черных окулярах князя блестели колющие искорки. Миг спустя рядом с ним встал Андерс Эрстед, спокойный и безмятежный, несмотря на панику, ясно прозвучавшую в голосе рулевого.

Кое-кто из экипажа уже карабкался по вантам – для лучшего обзора.

– *Grandiosamente!* – капитан Гарибальди задыхался, как бегун в конце длинного, утомительного пути. – *Grazie, Fortuna! Mille grazie!* Синьор Огюст! Это он... Клянусь свободой, это он! Моя мечта – передо мной!

– О ком вы?.. – начал было Шевалье.

И увидел.

В полумиле от «Клоринды» из воды поднималась шея. Она росла и росла, будто стебель волшебного боба, поливаемого из лейки Джеком – Победителем Великанов, пока не вознеслась на уровень бизань-стенги. Толстая, как ствол дерева, у основания шея выглядела тучной, наводя на мысли о хорошем аппетите твари. Вверху скалилась неприятная, обманчиво-малень-

кая голова, разевая пасть, набитую острыми клыками теснее, чем подушечка модистки – булавами.

В свете месяца монстр был виден, как на картине. Он слегка мерцал, источая нервное, дрожащее свечение, похожее на блеск гнилушки. Раздувались ноздри, смещенные назад, к костяным глазницам. Незванный гость напоминал гурмана, вдыхающего аромат изысканного блюда. Когда он повернул голову в профиль, как если бы колебался – приступить к трапезе или, вызвав нерадивого повара, устроить скандал? – стал заметен гребень на затылке твари.

– Дракон! – раздался чей-то вопль.

– Idiota! – бешеный рык Гарибальди едва не опрокинул шхуну. – Cavoli!⁹ Это же морской змей! Джованни, бездельник, неси мой мушкет! Луиджи, Анджело, к пушке!

При упоминании мушкета губы полковника Эрстеда тронула слабая улыбка. А когда дело дошло до пушки, он еле сдержал горький смех. Маленькая, мирная шхуна была практически безоружна. Бортовая артиллерия «Клоринды» состояла из двух орудий, лишь по нелепой случайности не списанных в утиль. На носу дремала тупорылая старушка-каронада, купленная по дешевке у интенданта английского фрегата – хитрец был рад избавиться от дряхлой, никому не нужной двенадцатифунтовки.

Из бабушки салютовали при входе в порт.

Зато на квартердеке, установлен на хорошо смазанном вертлюге, красовался фальконет, способный, по идее, угостить врага доброй порцией картечи. Но, увы и ах, фальконет был близорук. Для удачного выстрела требовалось подпустить злодея едва ли не вплотную. Учитывая размеры монстра, риск категорически превышал пользу в случае меткого попадания.

– Там море, где плавают корабли, – процитировал Эрстед 103-й псалом, – там Левиафан, которого Ты сотворил играть в нем...

– И предуготовил Господь большую рыбу, – откликнулся князь, мрачней тучи, – чтобы поглотила Иону... Вы решили молиться, друг мой? Я бы предпочел бежать или стрелять. Капитан, у нас есть шанс удрать от этого дружелюбного smoka?¹⁰

– Удрать? – казалось, Гарибальди сейчас хватит удар. – Синьор шутит? Всю жизнь я надеюсь на встречу с морским змеем, и теперь, когда цель близка... Я не стал бы удирать, даже сидя в рыбацкой лодчонке, с одним ножом за поясом! Джованни, бездельник! Мушкет!

Волмонтович с одобрением кивнул.

– Malbrouck s'en va-t'en guerre, – вполголоса спел он, видимо, желая пробудить в окружающих надежду на спасение, – Die sait quand reviendra...¹¹ Жаль, у меня нет ничего серьезней пистолетов. Если в арсенале найдется запасное ружье, я готов принять участие. Хоть какое-то развлечение перед походом на дно...

– Ружье синьору! – велел капитан, принимая из рук матроса долгожданный мушкет. – А что скажете вы, синьор д'Алюмен? У меня найдутся ружья для всех желающих! Ах, почему я не китобой! Гарпун – оружие настоящего мужчины...

– Спасибо, не надо...

Полковник внимательно изучал приближающегося монстра. Что-то в облике твари очень заинтересовало Эрстеда – так, что он не предпринимал никаких мер к спасению. Экспрессивные вопли команды, молитвы рулевого, боевой задор капитана – ничто не могло отвлечь датчанина от созерцания «змея».

Чудище надвигалось на шхуну, вытянув шею вперед. Сейчас над водой виднелась верхняя часть его тела, похожего на бочку. Складывалось впечатление, что гигантская черепаха

⁹ Грубая форма выражения «ничего себе!» (итал.).

¹⁰ Дракона (польск.).

¹¹ Мальбрук в поход поехал, Бог весть когда вернется... (франц.)

проглотила удава, и тот выбирается из плена наружу, готовясь в свою очередь подзакусить «Клориндой».

– Скажите, Огюст, – Эрстед впервые обратился к Шевалье по имени. Только эта вольность и выдавала, насколько он взволнован в действительности. – Вы, кажется, какое-то время учились у Кювье?

– Да, – подтвердил Огюст.

– Как профессор Кювье называл подобных животных?

– Он пользовался определением Уильяма Баклэнда из Оксфорда. Баклэнд ввел в обиход термин «мегалозауры». Друг мэтра Кювье, доктор Ричард Оуэн, предпочитал говорить: «динозаврий»,¹² но мэтр считал это скорее поэтической метафорой, чем научным понятием. В данном случае, мы видим водного мегалозаура. И он вот-вот нас сожрет.

– Что ж, молодой человек, – кивнул Эрстед, – вам повезло. У вас есть возможность, за какую половина Оксфорда согласилась бы съесть свои шляпы. Наблюдайте, пока дают...

Не выдержав, харкнул картечью фальконет. Даже если часть заряда и угодила в чудовище, это лишь разозлило его – монстр прибавил ходу.

– Вы хотите сказать: пока мы живы? – уточнил князь.

– Нет, Казимир. Я сказал то, что хотел. Не вижу ни малейшей угрозы для наших жизней. Вглядитесь, как он плывет, этот красавец. И вы, капитан, присмотритесь повнимательнее. Ночь ясная, не ошибетесь...

– Ба-бах! – подтвердил мушкет Гарибальди.

Пуля, угодив в шею под нижней челюстью, не произвела на мегалозаура никакого впечатления. Неизбежное столкновение со шхуной его тоже ни капельки не пугало. Примериваясь, как бы ловчее сдернуть со снастей жирненького, круто посоленного матроса, монстр стал похож на адского лебедя, чешуйчатого любимца Сатаны. Позади кошмара, всплывшего из пучин Бискайского залива, в мягких, пологих волнах дробился огонь звезд...

– Проклятье! – вскрикнул Шевалье. – Он не оставляет следа!

– Вот именно, – согласился Андерс Эрстед, украдкой зевая. – И запаха нет. Полагаю, наш малыш должен вонять рыбой, как склад сардин в Онфлере. А уж смрад из пасти... Ну хорошо, у меня с утра насморк. Казимир, вы чувствуете какое-нибудь *ambre*? Нет? Я так и думал...

Теперь, когда мегалозаур придвинулся вплотную, сделалось ясно видно, что сквозь мерцающую плоть проступает серп месяца – не слишком ярко, но вполне различимо. Вода за хищником еле-еле колыхалась, отвечая дыханию ветра. При такой скорости движения, будь Левиафан реален, рябь Бискайя распадалась бы за «кормой» чудовища на манер раздвоенного хвоста ласточки, бурля и пенясь.

Но этого не происходило.

– А-а-а! Спасите наши души!

Огюст затряс головой. Его оглушил вопль команды – матросы, галдя, чуть не посыпались за борт, когда чертов мегалозаур с разгона врезался в «Клоринду». На миг почудилось, что от тарана шхуна опасно накренилась на правый борт и вот-вот опрокинется. Так в Тихом океане погиб китобой «Эссекс» – взбесившись от боли кит кинулся на корабль. Чувства лгали, убежденные, что удар могучей туши не может пройти даром. К счастью, командир-рассудок живо навел порядок во вверенных ему войсках.

Судно даже не шелохнулось, будто монстр весил не больше перышка. Шхуна и мегалозаур срослись воедино – шея торчала дополнительной мачтой, лапы молотили воду, как если бы «Клоринда» обзавелась гребным винтом. Пасть ухватила кого-то на вантах – бедняга зашелся душераздирающим визгом, не сразу заметив, что зубы проходят сквозь его тело, не причиняя вреда.

¹² Мегалозаур – «гигантский ящер». Динозаврий – «ужасный ящер».

Скорее шхуна пожирала чудовище, чем монстр – ее. Продолжая движение, мегалозаур должен был давно оказаться по другую сторону «Клоринды», пронизав ее насквозь, но ничего подобного не случилось. Мерцание усилилось, звездное сияние окутало корабль, впитываясь в каждую пору «фемины». На снастях плясали огни Святого Эльма; рангоут забрызгало кипящей, бесплотной слюной. «Морской змей» уменьшался в размерах, всасываясь в палубу, борта, паруса, мачты; искрящейся лавой стекал в трюм...

Минута-другая – и он исчез.

– Это все сволочные попы! – с уверенностью сказал капитан Гарибальди, в сердцах ударяя прикладом мушкета о планшир. – Ну, и кто мне теперь поверит? А ведь я чуть не убил эту тварь... Правда, синьор Огюст?

– Истинная правда, – подтвердил полковник Эрстед, видя, что Огюст замешкался с ответом. – Вы чудесно стреляете. Будь у меня в части хотя бы десяток таких молодцов, как вы, уж мы бы показали врагам! И тем, что во плоти, и оптическим иллюзиям... Князь, вы не хотите продолжить концерт?

– Я не в голосе, – хмуро отказался Волмонтович.

Сцена пятая Шхуна с привидениями

1

Призрак мегалозаура впечатлил Огюста больше, чем молодой человек отважился бы признаться. «Змей», вне сомнений, имел искусственное происхождение. Ярость капитана, обращенную на «сволочных попов», можно было смело игнорировать: Гарибальди винил отцов церкви во всех бедах, как великан Ури – «докторов со стальными пилками». Похоже, аббат-учитель, экспериментируя, ампутировал у малыша Пеппино все, что считал лишним – темперамент, свободолобие, гнев, восторг, кипение чувств...

И наблюдал, как душа упрянца выращивает себя заново.

«Оптическая иллюзия» не объясняла визит монстра до конца. Из всех известных Огюсту людей на такой фокус был способен, пожалуй, один Эминент. Если так, то чудовище – пристрелка, пробный шар. Что еще измыслит сумрачный немецкий гений барона фон Книгге? А на борту, между прочим, бумаги Галуа!

«Почему я не снял с них копию? Не оставил ее в Париже у надежного человека? Неужели в мою родню затесался кто-то из русских, которые сами говорят, что „крепки задним умом“?»

Вечером следующего дня, одолжив у капитана бумагу и чернильный прибор, Он уже старательно переносил формулы на чистые листы. Шестьдесят страниц – пустяк. Лишь бы с «Клориндой» ничего не случилось! Пираты, шторм, пожар на борту – пропадут и копия, и оригинал. О том, что за компанию «пропадет» и он сам, Шевалье не задумывался. Важность работ друга выросла в его глазах до космических масштабов. Наверняка ушлые потомки тоже охотятся за наследием Эвариста!

А какой еще ценностью обладает скромный Огюст Шевалье?

Работа продвигалась медленней, чем он рассчитывал. Голова шла кругом. Действительно ли он попадает в будущее? Если путешествия во времени возможны – это должно вызвать лавину парадоксов...

...нормальная подгруппа, переходящая сама в себя при внутренних изоморфизмах группы. Только при этом условии факторизация группы по ее подгруппе порождает новую...

Нормальные подгруппы исторических событий?! Переходящие сами в себя? Почему бы и нет... Но все ли они нормальны? И, главное, нормален ли он, Огюст? Нарушение изоморфизма группы... Лавируя в реке дней и лет, можно влиять на ход истории! Теория катастроф Кювье – парадоксы людоеда-Хроноса...

...соответствующие уравнения неразрешимы в радикалах...

Неразрешимы!

...Доказательство нуждается в некотором дополнении. У меня нет времени...

В воспаленном мозгу роились десятки вопросов. О, если правильно воспользоваться знаниями, полученными от «потомков»... Пушки – жалкие брызгалки в сравнении с таким оружием! Мрак пожирал каюту, строки плыли перед глазами. В сотый раз перечитывая написанное, он не мог ничего разобрать. Почему?

«Потому что – ночь. А свеча погасла».

«Тогда откуда этот свет?»

«Какой?»

«Неужели ты не видишь?»

Вокруг разгоралось дивное свечение. Так, должно быть, выглядит полярное сияние. Но «Клоринда» далеко от полюса! Шум волн за бортом отдалился, исчез. Стены тесной каюты превратились в грани Кристалла Решений. С блестящей плоскости неба падали снежинки, совершая бесконечные операции симметрии.

Под матросским гамаком, который заменял Шевалье койку, рос сугроб, состоявший, казалось, из легчайшего пуха. Пух зашевелился, взлетел стаяй лебедей; глазам, вся в облаке белых хлопьев, предстала...

– Бриджит?!

Она не ответила. Лишь с грустью улыбнулась: вот, мол, пришла. Не выдержала. Изможденное лицо женщины заострилось, как у покойницы; в глазах отчаяние и – надежда. Такой она явилась к нему в мансарду, умоляя о помощи. Снег копился на хрупких плечах баронессы, грозя сломать, будто ветку акации; укрыть холодным саваном...

«Кровь Христова! Ей плохо!»

– Бриджит! Я успею! Дождись меня!..

«Скорее к капитану! Пусть на всех парусах идет в Бильбао. Оттуда – галопом, на перекладных... Если Гарибальди заартачится – нож к горлу: „Я беру вас в заложники, синьор Джузеппе!“ Никакие переговорщики не спасут! Как я мог оставить ее одну?!»

Он вскочил с табурета, привинченного к полу. Из-под ног взметнулось облако колющих искр. Кристалл искажал перспективу; кто-то, глумясь, хихикал в углах. Вырваться! Вломиться на капитанский мостик – скрип такелажа, крики чаек. Здесь он ничем ей не поможет. Тут лишь бестелесный образ, иллюзия, фантом...

Иллюзия?!

Шевалье окаменел, поражен очевидностью этой мысли. Какое отношение образ из «зазеркалья» имеет к настоящей Бриджит? Баронесса не желала ему зла. Зеркало должно было избавить Огюста от фатального влечения. Действительно, в последние дни он редко вспоминал о госпоже Вальдек-Эрмоли, не испытывая к ней болезненной тяги.

«Рецидив – итог бдения над рукописью Галуа? Когда она навестила меня в первый раз, я тоже читал записи Эвариста...»

Призрак Бриджит взвихрился, исчезая. Вокруг свилась двойная спираль, шипя кублом растревоженных гадюк. Шипение складывалось в голоса – вкрадчивые, они переговаривались между собой, игнорируя Огюста.

– ...мощность биологического ретранслятора растет. Сетка захвата расширяется экспоненциально.

– Не связано ли расширение сети с перемещениями объекта в пространстве?

– Это лишь один из факторов. Зафиксированы импульсные скачки мощности излучения супергена объекта. В такие моменты суперпозиция его полевой структуры с аналогичными полями иных объектов в указанном хроносекторе достигает 2-го порогового значения по шкале Любищева-Арнье.

– Спонтанная активация объектом вторичных биоретрансляторов?!

– Факт достоверно не установлен. Но вероятность высока: 73,4 %. На данный момент это единственное объяснение экспоненциального расширения сетки.

Затаившись, стараясь ничем себя не выдать, Огюст летел сквозь буран Механизма Времени. Он догадывался, о ком идет речь. Значит, «объект»? «биологический ретранслятор»?! – что бы это ни значило...

– ...построение сетки захвата идет с полуторным опережением графика.

– Уточните наличие свободных ячеек в накопителях. Их должно хватить, когда мы начнем трансляцию голограмм личностных континуумов, захваченных объектом...

«...голографическая решетка супергено-континуума вашей личности... – всплыли в памяти слова Переговорщика. – *Ваш разум, или ваша душа...*» Невидимые шестерни в мозгу, подобно снежинкам Механизма Времени, пришли в движение. Сетка захвата... ретранслятор... голографические решетки личностей – души для «религиозно ориентированных»... Переговорщик, обученный договариваться с бандитами, когда те берут заложников...

Тысяча чертей!

Компания хитроумных потомков хотела захватить кого-то! Пленить здесь, в 1832 году, – превратив Огюста в невольного бандита-пособника! – и силой переправить в Будущее. Раскинуты ловчие «сети»; ячейки ромба-«накопителя», словно камеры Консьержери, готовы принять узников. Можно удрать от разбойников, от полиции, с галеры, наконец, но из летающей тюрьмы не сбежишь. «Заговор разоблачен, – расхохотался вдали Пеше д'Эрбенвиль, иуда по кличке „Топаз“. Хриплый смех мертвеца звучал приговором. – Ваше ожидание закончилось, граждане заговорщики...»

Когда-то, обсуждая с Друзьями Народа грядущую победу справедливости, Шевалье предложил переоборудовать ипподром под «место для концентрации» врагов. Сегодня, кружась в метели веков, он понял, что такое идеальный концентрационный лагерь: не для тел – для душ.

Черный ромб в небе.

2

«Клоринда» шла мимо Авилеса, когда вахтенному матросу Анджело Гольдони в ночи явился призрак любимой бабушки. Вся в облаке звездной пыли, донна Тереза встала на решетчатом банкете у штурвала, глядя на внука с укоризной. В руках женщина держала кухонный нож и пучок свежего базилика.

– Ты огорчаешь меня, Анджело, – сказала бабушка.

Анджело не удивился. Если ты родом из Неаполя, где каждый сапожник – толкователь снов, то знаешь, что покойники часто навещают родных. И соль в гроб кладешь, и подушку «углом на север», и с кладбища возвращаешься не тем путем, которым приехал, чтобы сбить усопшего с толку, а им хоть бы хны. Наверное, поговорить хотят. На небесах не очень-то посудачишь, там больше арфы...

А для неаполитанки молчание – хуже смерти.

На всякий случай он сложил пальцы особым способом, ткнув «рожками» в донну Терезу. Даже не подумав расточиться, бабушка погрозила внуку ножом. Это хорошо, решил Анджело. Значит, Рогатый ни при чем. При жизни бабушка обожала внука, младшего из дюжины сопливых пострелят, и, конечно же, не могла желать любимцу ничего дурного.

– Извини, la poppa, – сказал матрос, краснея. – В ближайшем порту я первым делом пойду не в кабак, а в церковь, и поставлю за тебя свечку. Толстую, как дядюшка Пьетро. Помнишь, он ухлестывал за тобой после смерти деда?

– Помню, – согласилась бабушка. – Пьетро был у меня на похоронах?

– Да, la poppa. И рыдал над твоей могилой.

– Это хорошо. Надеюсь, он до сих пор жив и страдает. Но я пришла не за свечкой, mio bimbo. Я пришла сказать тебе, что катать Сатану по морю – это грех. Большой грех, Анджело! За такие дела черти в аду нарежут ремней из твоей спины. А я огорчусь, глядя на это с облака.

Хлопнули паруса – видимо, в знак согласия со словами донны Терезы. Матрос представил, как ремень, вырезанный из его спины, шкворчит на дьявольской сковороде. В животе забурчало. Ну, и что мешало капитану зайти в Авилес на денек? Астурийцы – мастера гото-

вить фабаду: два сорта колбасы, копченая и кровяная, жарятся со свиной лопаткой, сладким перцем и фасолью...

– Не отвлекайся, – строго велела бабушка. – Я и сама отлично готовила фабаду, не хуже твоих астурийцев. Они кладут слишком много базилика.

Донна Тереза фыркнула и выбросила пучок, принесенный с небес, в море. Выбрасывать нож она не торопилась. Напротив, ухватила лунный луч, шершавый, как точильный брусок, и стала править лезвие. Шарканье стали о желтое точило неслось над волнами к берегу, словно кто-то очень старый брел пешком через Бискай.

Звук вливался в жилы, горяча кровь.

– Анджело, бездельник, ты и в детстве был жуткий обжора. Я тайком от всех баловала тебя добавкой. Сейчас я жалею о своей доброте. Зачем ты катаешь Сатану, l'imbecille?

– Если ты о капитане, – возразил Анджело, – то не надо преувеличивать. В душе Гарибальди – честный христианин. И отличный моряк. Это язык вечно бежит впереди него...

Взмах ножом заставил внука умолкнуть.

– При чем тут твой Гарибальди? Я говорю о вашем пассажире! О датском нехристе! Если ты слеп, как крот, то мне с небес все видно. Его рога торчат на локоть выше головы! А изо рта несет серой...

Анджело задумался. Рогов у синьора д'Алюмена он не заметил. Но если бабушка говорит... Руки на штурвале озябли. Неприятный холод сунулся под куртку, тронул щеки кистью, смоченной в подтаявшем льду. Нож донны Терезы ускорил движение, шепеляво выводя тоненькую мелодию.

– Черный дьявол охраняет его, mio bimbo! Берегись черного дьявола...

– Дьявол хорошо поет, бабушка...

Вахтенный – здоровенный детина с опытом двух кораблекрушений, умевший вцепиться зубами и в обломок мачты, и в глотку врагу, – почувствовал себя маленьким ребенком. Бабушка знает, как лучше. Господи, как же не хочется слушаться ее велений! Донна Тереза и при жизни умела одним взглядом намекнуть так, что ты еще ничего не понял, а уже делаешь.

Вся семья ходила под ее каблуком.

– Все дьяволы хорошо поют, дурачок. У них соловьиные глотки и змеиные языки. У тебя за поясом славный нож, Анджело. Он острее моего. Неужели я, старая покойная женщина, должна учить мужчину из рода Гольдони, как неаполитанцы привечают Сатану? Мне пора, mio bimbo. Нас собирают к святой молитве за вас, грешников. Но я буду следить за тобой с облака и вернусь, если что...

Бабушка взмыла над штурвалом, обеими руками придерживая юбку. Ее силуэт дрогнул, растворяясь в тумане, наползавшем от испанского побережья. Лишь теперь, оставшись один, Анджело Гольдони испугался. Матросу казалось: его чем-то отравили.

– Maria, gratia plena, Dominus Tecum, benedicta es in mulieribus...

Коверкая латынь, скверно заученную в детстве, он бормотал молитву и не замечал, что раз за разом гладит рукоять кривого ножа, улыбаясь – тих и безмятежен, как дитя или умалишенный.

– ...et benedictus fructus ventris Tui Jesus...

И ветер в парусах откликался нервным шепотом:

– Sancta Maria, Mater Dei...

Примерно в это же время матрос Паоло Ровере заворочался в своем гамаке. Он хотел вскрикнуть, но в глотку набили войлока, а губы смерзлись. «Это сон! – сказал Паоло себе. – Это дурной сон! Сейчас я проснусь, а потом все будет, как обычно...»

– Тс-с-с! – велел ему виконт д'Алюмен, поднеся палец к губам.

У виконта были серебряные пальцы и лицо из лунного молока. Пассажир мерцал, словно морской змей, готовый заключить Паоло в объятия и раствориться в нем. Рука д'Алюмена сжимала перевернутое распятие. Христос, висая вниз головой, плакал. Слезы Спасителя лужей копились на полу, источая запах ладана.

За спиной гостя маячила черная тень, беззвучно смеясь.

Матрос замер, боясь пошевелиться. В каюте, кроме него, спали еще двое из команды. Они перестали храпеть и пускать ветры, но просыпаться и не думали. Лишь застонал толстяк Луиджи: «Не надо! Прошу вас...» – и смолк, тяжело дыша. Паоло не хотел и думать, что могло испугать толстяка, затевавшего драки в каждой таверне.

– Ты хочешь его съесть? – спросил виконт.

– К-кого? – выдохнул Паоло.

– Я знаю, ты голоден. Смотри, это вкусно...

Д'Алюмен поднес распятие ко рту и откусил основание креста. Он жевал дерево, как коржик, смачно похрустывая. Немой хохот тени служил аккомпанементом этой чудовищной трапезе. Христос рыдал, как младенец, предчувствуя близкую гибель.

– Если ты не съешь хоть кусочек, твой бог не воскреснет, – предупредил виконт. – Тебе оставить ребрышко? Окорок? Филейную часть?

«Богохульник! – едва не крикнул Паоло. – Я убью тебя!»

Вместо этого он шепнул, подражая толстяку Луиджи:

– Н-не надо... прошу вас...

– Значит, ты еще недостаточно голоден, – заключил д'Алюмен, свободной рукой откидывая назад волосы, сотканые из бури. – Хорошо, я милосерден. Я приду завтра. Смотри, дружок, проголодайся как следует...

Гость стал оплывать, будто огарок свечи. Мерцающий воск смешался со слезами Спасителя, впитываясь в деревянный пол. Черная тень отступила на шаг, растворяясь во мраке, и матрос Паоло Ровере услышал дивный баритон:

Кругом вода, одна вода,
Но сухо на борту,
Кругом вода, одна вода –
Ни капли нет во рту.
Мой Бог, как пусто в глубине! –
Там только гниль и слизь,
И твари скользкие наверх
Оттуда поднялись...¹³

Проваливаясь в горячечный бред, продлившийся до утра, Паоло еще не знал, что все время будет слышать эту песню, похожую на пророчество ведьмы:

Все та же жуть сдавила грудь,
Я поглядел назад:
О Боже правый! Мертвецы
Пред мачтой стоят!
И руки подняты у всех,
Прямые, как мечи,
И полыхают руки те,
Как факелы в ночи...

¹³ Сэмюэль Тэйлор Кольридж, «Поэма о Старом Моряке» (пер. И. Меламеда).

3

– Вы не поверите, – сказал Андерс Эрстед, – но мне стыдно.

Полковник выглядел не лучшим образом. Простуда сделала то, чего не удавалось тяготам и лишениям дальних дорог. Сейчас Эрстеду легко можно было дать все его пятьдесят с хвостиком. Из носа текло, глаза покраснели и слезились; он гулко чихал, пугая чаек, и утирался клетчатым платком.

Казалось, вчерашний шторм, часть которого «Клоринде» удалось пересидеть в бухте близ Виго, в пестрой компании рыболовецких суденышек, потрепал Эрстеда больше, чем шхуну.

– У вас нет причин стыдиться, Андерс, – возразил князь.

– О, я стыжусь не за себя, друзья мои! – полковник еще раз чихнул. – Что есть насморк перед бессилием цивилизации? Капризы ветра, волнение моря – и вот мы, венцы творения, вынуждены сперва бежать, а там и прятаться. Ну почему Карно такой упрямец? Раскрой он карты, в его распоряжении были бы лучшие умы и лучшие механики! А мы бы, вооружась новым двигателем, истинным Механизмом Пространства, летели бы, опережая бурю, и смеялись над штормами. Морские змеи утопились бы от горя, глядя на нас...

– Вы преувеличиваете, – пафос спутника вызвал улыбку на бледных губах князя. Чувствовалось, что он уважает веру Эрстеда в могущество науки, как уважал бы любую другую веру, но разделяет ее не до конца. – Во-первых, Карно не такой уж упрямец. Он просто индивидуалист, как большинство умников, и патриот, как большинство выпускников лицея Карла Великого. Одно, помноженное на другое, дает ужасающие результаты. И государство беззастенчиво пользуется сей математикой. Уж поверьте – мы, поляки, знаем в этом толк...

– Во-первых? Значит, есть еще и во-вторых?

– Есть. Я не знаю, в чем соль открытия Карно. Допустим, это нечто сногшибательное. Паровые двигатели сдохнут от зависти, узнав про французский феномен. Но шторм есть шторм, и смеяться над ним – опасно.

– В штормах вы тоже разбираетесь, как поляк? – рискнул сострить Огюст.

Князь остался серьезен.

– Нет. Как поляк, я разбираюсь в опасностях.

– Например?

– Например, в тех, к которым приводит излишне развитое чувство юмора.

Прикусив язык, Огюст сделал вид, что любит красотами Атлантики. Меньше всего он хотел бы обострять отношения с Волмонтовичем. Князь недолюбливал молодого человека с первого дня знакомства. И каждую минуту был начеку, подозревая: вот-вот Шевалье кинется душить полковника Эрстеда, рыча диким зверем.

Зная гонор поляков, Огюст не понимал, как князь доброй волей согласился играть роль телохранителя при заурядном, в сущности, путешественнике. И не хотел признаваться самому себе, что боится Волмонтовича – черного ворона-хищника.

– Дело не только в Карно, – Эрстед воодушевился. Разговор излечивал его лучше микстур и припарок. – Мы стоим на пороге великолепного прорыва! Якоби-старший заверял меня, что два-три года, максимум пять, и он пустит по Рейну баркас, влекомый электродвигателем. Вот тут и посмотрим на их состязание с Карно...

Мимо прошел матрос, волком зыркнув на мирно беседующих пассажиров. Чем ему не понравился баркас с электродвигателем, осталось загадкой. Шевалье отметил, что бессознательно матрос погладил рукоять ножа, торчащего из-за кушака, и убрал ладонь не сразу, с явным сожалением.

– Вы что-то хотели? – повернулся к нему князь.

– Да! – с вызовом ответил матрос. – Еще как хотел, синьор!

И, тихо бранясь, полез на мачту.

В последние дни команда, за исключением капитана Гарибальди, без видимых причин озлобилась на гостей шхуны. Пение князя встречалось гробовым молчанием. Когда он решил исполнить «Третью песню Эллен» Шуберта, его заставили прекратить на середине первого куплета. Тщетно князь объяснял, что это не «Ave Maria», как решили моряки, а «Дева Озера» за авторством Вальтера Скотта, что две строки известной молитвы, обращенной к Богородице, лишь включены в поэму – ничего не помогало.

Ему сказали, что такие слова в его устах – кошунство.

Пожав плечами, Волмонтович затянул комические куплеты. Никто не смеялся. Шутки Эрстеда также не разрядили ситуацию. Полковника называли богохульником, хотя анекдот, рассказанный им на баке, не смутил бы и Папу Римского. Князь взялся за трость, требуя извинений, матросы взяли за ножи, и едва не случилось драки.

Команда, ворча, разошлась только после вмешательства капитана.

– Мертвецы, – сказал один матрос другому, толстому и красному от дурной крови, кивком указав на князя, – пред мачтой стоят! Вещий сон, говорю тебе, Луиджи...

– Ага, – согласился толстяк, нагло толкнув Огюста плечом. – Вещий. Ничего, и мертвецы своего дождутся...

Огюст искренне надеялся, что они доберутся до Ниццы раньше, чем на корабле случится бунт. Матросы ли прирежут пассажиров, пассажиры ли перебьют экипаж – в любом случае ничего хорошего ждать не приходилось. Он плохо спал, чувствуя, как копится раздражение, готовое выплеснуться наружу. Мерещилась баронесса, зовя вернуться в Париж; дважды снился желтозубый мистер Бейтс с пистолетом. Механизм Времени сбоил, отказываясь подчиняться. Молодой человек нервничал, не зная, чего ему хочется больше – оставаться в своем «хроно-секторе» или ринуться вперед по двойной спирали?

– Прошу прощения, драгоценные синьоры! – отдав все необходимые распоряжения, капитан Гарибальди быстрым шагом направился к пассажирам. – Синьор Огюст, разрешите мои сомнения. Они мучат меня давно. Я всегда полагал, что с ростом образованности человечество освободится от язв прошлого. Как вы думаете, это верно?

– Думаю, что да, – ответил Шевалье.

И вздрогнул, сообразив, что косвенным образом подтвердил один из тезисов иллюминатов.

– Отлично! Но если мы говорим, что в Грядущем люди станут свободны, мы подразумеваем свободу для всех. Я прав?

– Вы правы, синьор Джузеппе.

– Ах, как жаль! – огорчился капитан. – Вы просто расстроили меня, синьор Огюст...

– Но почему?

– Как же вы не понимаете! Если свобода для всех, значит свобода и для попов? Для этих пиявок, шакалов, убийц? Ведь они – худшее порождение зла! Сорная трава человечества! Нет, я уверен, что люди будущего найдут лучший способ распределения свободы...

Воинствующий антиклерикализм Гарибальди уже навяз у Огюста в зубах. Он притворился, что сверх меры увлечен видом на берег Португалии и с радостью уступил Эрстеду намечающийся диспут. Полковник, которого темперамент капитана забавлял до сих пор, принялся объяснять Гарибальди связь между общественными отношениями и прогрессом науки. Он жестикулировал, чертил в воздухе сложные диаграммы и сыпал цитатами из Адама Смита.

Капитан с увлечением комментировал, понуждая даже невозмутимого князя с трудом воздерживаться от смеха. Особенно порадовала Волмонтовича идея всем вместе, без промедления, из Ниццы отплыть в Бразилию, где заняться каперством во имя торжества республиканских идей. Гарибальди уверял, что в Рио-Гранде получить разрешение на законное пират-

ство – проще, чем выпить стакан молодого вина. А захват шхун с грузом кофе, вне сомнений, приблизит век свободы, распределенной наилучшим образом.

Эрстед плыть в Бразилию отказался, предпочтя каперству идею парламентаризма.

– Готовитесь в премьер-министры? – не удержался Шевалье.

– В каком смысле? – не понял Эрстед.

– В прямом, – Огюст вспомнил, что говорил ему Оракул, прячась в кристалле. – Вы по образованию кто? Юрист? Вот и станете министром юстиции. За заслуги перед Отечеством. Затем начнутся беспорядки, вас уволят...

Он напрягся, восстанавливая слова Оракула.

– Будут, знаете ли, такие беспорядки: Мартовские.

– Уже были, – возразил Эрстед. – Мартовские Иды. И уволили не меня, а Юлия Цезаря. Посредством двух десятков кинжалов. Надеюсь, в моем случае кинжалы не понадобятся?

– Вместо кинжалов вас выберут в парламент. А там и до премьер-министра недалеко. Жить будете не скажу чтоб счастливо, но долго. Напишите мемуары, опубликуете...

Название книги вылетело из головы напрочь.

– А что? – внезапно сказал князь. – Неплохая карьера, Андерс.

– Вы пророк, мсье? – расхохотался Эрстед.

– Да. А вы не знали?

– Тогда, извините, вы – скверный пророк. Даже когда наш добрый Фредерик, дай ему Господь век Мафусаила, отойдет в небытие, трон Дании найдется кому согреть своей высочайшей... э-э... Короче, воссядут, не беспокойтесь. И поеду я со своим парламентаризмом в Африку, к зулусам. Или на Северный полюс, если его откроют к тому времени. Вы случайно не в курсе, кто именно откроет полюс? На сэра Джона Росса у меня надежда слабая...

«Надо спросить у Оракула, кто откроет Северный полюс, – взял на заметку Шевалье. – Или у Переговорщика. А потом щегольнуть в разговоре... Впрочем, они все равно не поверят. Я ему: премьер-министр! – а он улыбается...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.